

25.4/09

0-726

97

10-726

891.7(09)

0-373

Арх

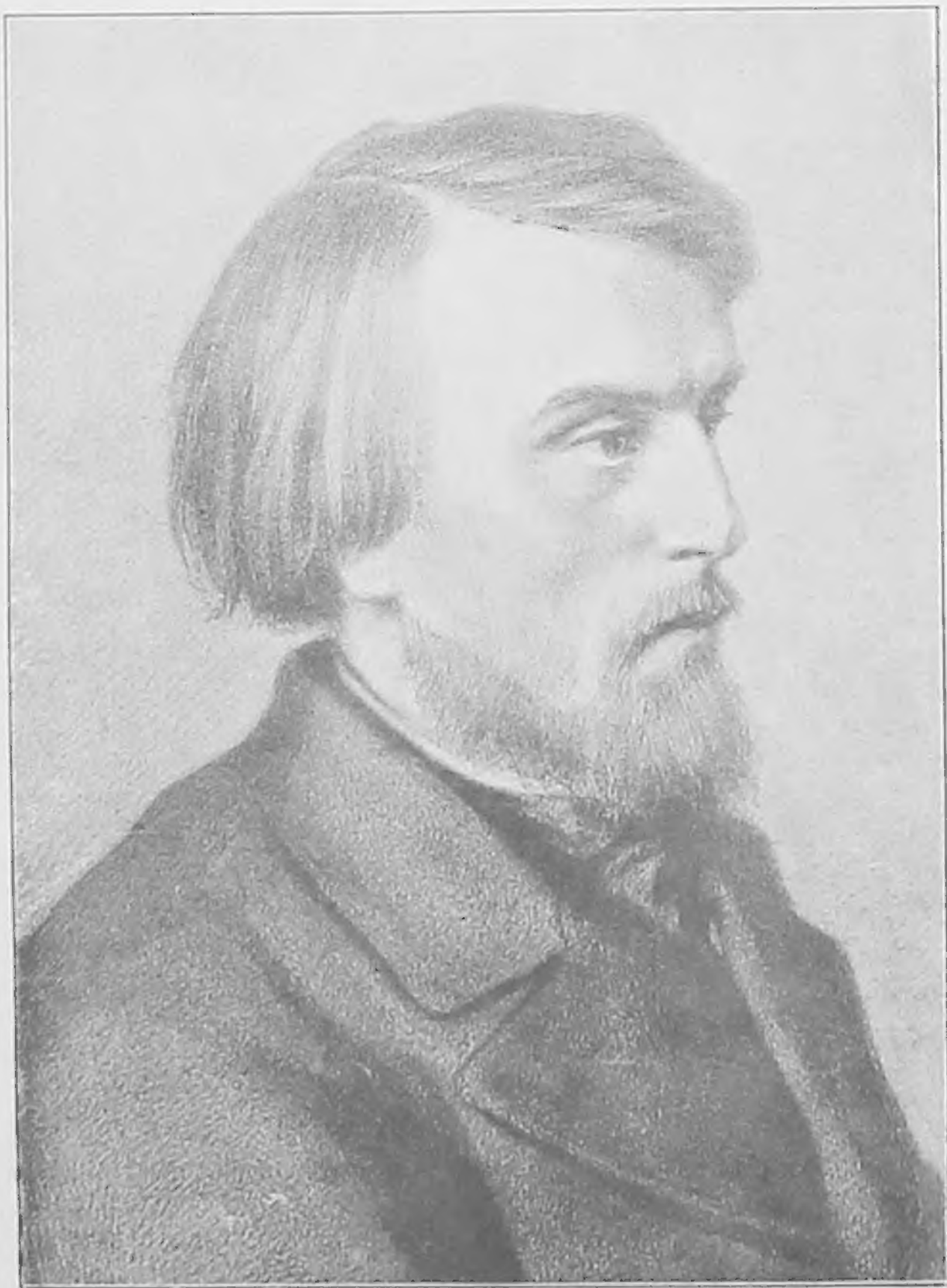
ценное

БИБЛИОТЕКА

им. М. Ю. Лермонтова

Обязательный
экземпляр

36897 - 1

Виессаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
1810—1848.

60 кит.

Викторъ Острогорскій.

36894

8с
0-76

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

КАКЪ КРИТИКЪ И ПЕДАГОГЪ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ,

прочитанныя 12-го и 19-го марта 1898 г. въ Петербургѣ, въ
Большой аудиторіи Солянаго Городка, въ виду предстоящаго
26-го мая 1898 г. исполненія пятидесятилѣтія со дня смерти
Бѣлинскаго.

(Лекціи читаны въ пользу Подвижнаго Музея учебныхъ пособій).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1898

48237

57.44.

9

2000

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 мая 1898 г.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Понятіе о критикѣ и ея значеніи вообще—эстетической и исторической. — Нѣсколько словъ о русской критикѣ XVIII в. — Критика формы; отсутствіе критическихъ руководящихъ основъ; критика личности и личнаго вкуса. — Классицизмъ и романтизмъ, какъ два господствовавшія въ европейской литературѣ въ началѣ XIX вѣка направленія. — Обзоръ русской критики въ XIX вѣкѣ до Бѣлинскаго: Полевой и его Московскій телеграфъ. — Идея Шеллинга о національности и заслуги Полевого. — Зарожденіе славянофиловъ и западниковъ. — Надеждинъ и его Телескопъ и Молва. — Краткій очеркъ жизни Бѣлинскаго съ обозначеніемъ періодовъ его дѣятельности, Московскаго и Петербургскаго, съ указаніемъ философско-теоретическаго характера кружка Станкевича.

Милостивые Государыни и Государи!

Двадцать шестого мая этого года, исполнится полстолѣтія со дня смерти нашего величайшаго и перваго критика. По странной случайности въ этотъ же самый день, 26-го мая будущаго 1899 года, истекаетъ цѣлое столѣтіе со дня рожденія перваго нашего русскаго художника, создателя всей нашей

національної поезіи — Пушкіна. Кратковременна була и жизнь обоихъ: одинъ — Пушкінъ, всю жизнь опальный, умеръ 37 лѣтъ отъ руки убійцы, жертвой зависти и ненависти свѣтскаго общества; другой — Бѣлинскій — 38, павъ подъ бременемъ смолу надорваннаго здоровья, неустанной борьбы съ нуждой и непосильнаго упорнаго труда. Дѣятельность Пушкіна, считая началомъ ея первое истинное національное произведеніе, Онѣгинъ, длилось всего *тринадцатъ* съ небольшимъ лѣтъ; дѣятельность Бѣлинскаго вся — *четырнадцатъ*. Оба при жизни были далеко не оцѣнены; обоихъ преслѣдовали вражда и клевета, и какъ писателей, и какъ людей; на обоихъ смотрѣли, какъ на людей опасныхъ, вредныхъ. Одного хоронятъ тайкомъ ночью; другого, Бѣлинскаго, провожаетъ до могилы на Волковомъ нѣсколько человекъ и съ 1848 года до второй половины пятидесятихъ годовъ самое имя его считается запретнымъ. Но, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ ярче и чище выступаютъ передъ потомствомъ эти два свѣтлые образа не только великихъ писателей, изъ которыхъ одинъ оцѣнилъ и объяснилъ другого, но и лучшихъ русскихъ людей. Особенно яркимъ свѣтомъ, проливающимъ животворное тепло на всякаго, въ комъ есть умъ и сердце, все яснѣй и свѣтлѣй вырисовывается образъ Бѣ-

линскаго,—этого удивительно рѣдкаго генія, гармонически сочетавшаго въ себѣ и писателя, и безукоризненно честнаго человѣка, у котораго никогда слово—не расходилось съ дѣломъ. Особенно пріятно вспомнить объ этомъ человѣкѣ въ нынѣшнее время всякихъ нравственныхъ шатаній, компромиссовъ, сдѣлокъ съ совѣстью, апатіи, дряблости и сомнѣній. Цѣльнымъ, нравственнымъ образомъ, не преклонявшимся никогда ни передъ чѣмъ, заблуждавшимся, но и горько и прямо признавшимъ свои заблужденія, для того, чтобы тѣмъ прямѣе идти къ истинѣ, стоитъ передъ нами живымъ примѣромъ духовной стойкости и любви къ людямъ и родинѣ, наукѣ и искусству этотъ, какъ его называли друзья, „неистовый Виссаріонъ“,—этотъ отецъ русской литературы въ смыслѣ ея разъясненія, какъ былъ отцомъ ея и Пушкинъ, въ смыслѣ ея основанія. Бѣлинскій былъ конечно, прежде всего критикомъ. Но не одну образцовую критику, воспитавшую цѣлыя поколѣнія крупныхъ художественныхъ и, вообще, литературныхъ силъ, представляютъ сочиненія Бѣлинскаго; это цѣлая энциклопедія понятій о человѣкѣ, о нравственномъ и эстетическомъ чувствѣ, о театрѣ, о школѣ, о воспитаніи дѣтей и дѣтскихъ книгахъ, о любви и ревности, женщинѣ, семьѣ, о народѣ, словомъ, обо всемъ, что составляетъ, какъ

сумма этическихъ понятій, весь необходимый основной капиталъ гуманной, развитой, души. Цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, до самой ранней смерти своей, Бѣлинскій твердо стоитъ на стражѣ русской литературы, зорко замѣчая въ ней все живое, общечеловѣческое, какъ свое, горячо любимое имъ, національное, такъ и идущее къ намъ просвѣтительное вліяніе съ Запада. Какъ астрономъ, слѣдящій со своимъ телескопомъ за всякимъ свѣтиломъ и его измѣненіемъ, какъ метеорологъ, отмѣчающій малѣйшее измѣненіе въ атмосферѣ, онъ открываетъ всякое находившееся новое дарованіе, слѣдитъ внимательно за старыми, ободряетъ слабыхъ, направляетъ на добрый путь заблуждающихся—словомъ, является пѣстуномъ и учителемъ талантливѣйшихъ генерацій крупнѣйшихъ представителей нашей литературы. Какъ человѣкъ страстный, онъ иногда заблуждается, впадаетъ въ крупныя ошибки и самъ, но, глубоко правдивый и геніально-умный, самъ же и въ-время прямо сознается въ своихъ ошибкахъ и выходитъ на вѣрный путь. Глубочайшій критическій умъ, замѣчательнѣйшій популяризаторъ у насъ философскихъ, соціальныхъ, эстетическихъ и этическихъ понятій, въ то же время безукоризненно нравственный по всей своей многострадальной, такъ рано подкошенной, жизни, этотъ удивительный самоучка,

у котораго въ сороковыхъ годахъ, по словамъ Некрасова, училось все живое, — начерталъ всей русской послѣдующей литературѣ опредѣленный путь, по которому она и пошла и идетъ твердо и по настоящее время, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ ея представителяхъ, несмотря на все налагаемыя ей препятствія и временныя уклоненія въ ту или другую сторону.

Вотъ о какомъ писателѣ и человѣкѣ приходится мнѣ говорить, господа, но прежде, чѣмъ перейдемъ къ нему, скажемъ нѣсколько словъ о критикѣ вообще и о томъ, какова она была до Бѣлинскаго, чтобы тѣмъ яснѣе была для насъ его личность и заслуги.

Въ эпохи наибольшаго подъема духа въ обществѣ являются и великія произведенія поэзіи. Такъ было во все времена: и въ Греціи, и въ Римѣ, и во Франціи, и въ Германіи, и у насъ въ Россіи, въ эпоху двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда почти одновременно являются и Грибоедовъ, и Пушкинъ, и Кольцовъ, и Лермонтовъ и Гоголь. Это время совпадаетъ въ новѣйшее время и съ развитіемъ философіи, какъ это было у немцевъ въ эпоху Шиллера — Кантъ, и позднѣе — Шеллингъ и Гегель, и у насъ въ тридцатыхъ го-

дахъ, когда изученіе этихъ послѣднихъ философовъ охватило московскую молодежь, со Станкевичемъ во главѣ. Общее философское міровоззрѣніе даетъ извѣстное направленіе и характеръ критикѣ. Эта критика, какъ сочиненіе, имѣющее цѣлью уяснить значеніе художественнаго произведенія, возникаетъ обыкновенно въ тѣ же эпохи умственнаго подъема и идетъ параллельно съ появленіемъ самыхъ художественныхъ произведеній: такъ было, по крайней мѣрѣ, у насъ въ эпоху двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, когда появляется одинъ за другимъ и Погодинъ, и Надеждинъ и, наконецъ, Бѣлинскій; такъ было и во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, и въ началѣ шестидесятихъ, когда писали Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Ставя художественнымъ произведеніямъ извѣстныя требованія, съ точки зрѣнія извѣстнаго взгляда на искусство и съ этой точки ихъ оцѣнивая, критика имѣетъ значеніе огромное. Она, особенно у насъ въ тридцатые и сороковые годы, является руководительницей вкуса, да и вообще взглядовъ на жизнь, нравственность, общественность и т. под., и тѣмъ самымъ послѣ школы воспитываетъ взрослыхъ, создавая въ странѣ общественное мнѣніе. Два различныхъ требованія, предъявляемыхъ къ поэтическому произведенію, опредѣляютъ и два вида критики. Одна—эстетиче-

ская разсматриваетъ, насколько оно соответствуетъ данной теоріи, правиламъ, извѣстной метафизической проблемѣ о законахъ искусства. Такова, напр., критика Бѣлинскаго о Горѣ отъ ума, которую Бѣлинскій осудилъ, какъ комедію, неудовлетворяющую якобы теоріи драмы. Другая критика — *историческая*, разсматриваетъ произведеніе съ точки зрѣнія отраженія въ немъ современности. Другими словами, опредѣляетъ, насколько произведеніе выражаетъ идеи, духъ, общество, своего времени. Примѣръ такой критики — статьи о томъ же Горѣ отъ ума, Гончарова; таковы критика Бѣлинскаго о Пушкинѣ и позднѣйшія его статьи; таковы критики Добролюбова. Русская критика, какъ и на Западѣ, сначала была почти исключительно эстетическая: въ настоящее время, когда метафизическія опредѣленія красоты и прекраснаго, а также и вообще положенія эстетики и теоріи поэзіи оказались несостоятельными, она, эта критика, обратилась повсемѣстно въ *историческую*. Таковы критики Тэна, Воюэ, Шмидта и др., у насъ критики Пшенина, Скабичевскаго, Шелгунова, Н. К. Михайловскаго, Вал. Майкова, Тихомирова, ранѣе — Чернышевскаго и Добролюбова.

Критика наша XVIII вѣка соответствовала эфемерной и случайной литературѣ своего времени и

не можетъ быть названа ни эстетической, ни исторической. Это даже и не критика, а только случайныя замѣтки, или хвалебныя, или бранныя, случайнаго же цѣнителя, который ни анализировалъ произведенія съ точки зрѣнія какой-нибудь эстетической теоріи, ни искалъ въ немъ значенія для своего вѣка и времени, а руководился только своимъ личнымъ, плохо воспитаннымъ, вкусомъ, или вообще, личными своими отношеніями къ писателю: развѣ, и то рѣдко, критикъ смотрѣлъ, вѣренъ ли оставался писатель пресловутой теоріи Буало *L'art poétique* и насколько приблизился къ иностраннымъ образцамъ. И если приблизился, то, не обвинуясь, называлъ его нашимъ Гомеромъ, Пиндаромъ, Горациемъ, Корнелемъ, Расиномъ и т. и.

Жалка была, за рѣдкими случайными исключеніями, какъ Державинъ и Фонъ-Визинъ, наша художественная, рабски подражательная, литература XVIII в.—еще жалче была критика.

Не лучше обстояло дѣло и въ первой четверти XIX в. Ни одного самостоятельнаго художественнаго таланта до Пушкина, за исключеніемъ одиноко стоящаго баснописца Крылова, не появлялось. Жуковский и Батюшковъ почти исключительно переводчики подражатели преимущественно поэтамъ формы, остальное все бездарно и сводится къ праздному

стихотетству, официальной, самолюбивой, словесности, къ литературному меценатству. Журналистика, злословная Пушкинымъ, кажется еще жалче. Это какая-то игра въ литературу, и самое слово *сочинитель* чуть не позорное. Это кабія-то топенькія, сѣренькія книжонки въ восьмушку листа, наполненныя вѣдь, что Богъ послалъ, и существующія едва на 500 — 600 подписчиковъ. Скукой, пошлостью, грубостью, плоскостью вѣдь отъ всѣхъ этихъ петербургскихъ — Сынъ Отечества — Греча Сѣверный Архивъ — Булгарина, Отечественныя Записки — Свинина, или Московскаго Вѣтника Европы — профессора Качеповскаго. Особенною пошлостью и неприличіемъ отличался потѣшавшій неразвитую публику Благонамѣренный — Измайлова, который оправдывался передъ подписчиками въ своемъ запаздываніи выхода книжки тѣмъ, что онъ редакторъ,

„Какъ русскій человекъ, на праздникахъ гулялъ
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ“

Въ этихъ журналахъ шли безконечныя споры о старомъ и новомъ слоgъ; всѣ они писали восторженные панегирики титулованнымъ сочинителямъ изъ досужихъ крупныхъ чиновниковъ, или придирались къ мелочамъ и промахамъ, ругали писателя

въ пухъ и прахъ, ругались самои площадной бранью между собою изъ-за подписчиковъ, такъ что самыя слова *критика*, *критикъ*, *критиковать* стали синонимами слова *брань*, *ругатель*, *ругаться*, *отбритъ* и т. п.

Но оставимъ эту жалкую игру въ литературу въ журналистикѣ и остановимся на минуту на двухъ противоположныхъ направлѣнiяхъ литературы, которыя, какъ и другія важнѣйшія умышленныя вѣянія запада, были восприняты нами съ запада.

Въ XVIII в. господствовалъ у насъ всецѣло, такъ называемый, псевдо- или ложный классицизмъ. Это направленіе, или, вѣрнѣе, школа, теорія, возникшее въ эпоху возрожденія, вслѣдствіе увлеченія литературой греко-римской, можетъ быть названо также подражательнымъ и антинаціональнымъ, условнымъ. Особенно привилось оно у разсудочныхъ и малопоэтическихъ французовъ. Во Франціи пригрѣли псевдоклассицизмъ короли и духовенство, такъ какъ видѣли въ немъ вѣрное средство отвлечь вниманіе публики отъ критики настоящаго положенія Франціи, а также и отъ реформаціонныхъ идей, которыя съ реформаціи вели къ критикѣ самого католическаго духовенства и униженію его авторитета. Покровительствуемый Людовикомъ XVI и кардиналомъ Ришелье, этотъ псевдоклассицизмъ

сложился въ XVII вѣкѣ, благодаря книгѣ Буало *Искусство поэзіи* (L'art poétique), въ цѣлый кодексъ, и состоитъ онъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Въ поэзіи изображаются только предметы высокіе, возвышенные, или милые, пріятные, природа, но не иначе, какъ украшенная (L'art embellit la nature): здѣсь сюжеты не національные, а только изъ древняго міра, изъ міра отдаленнаго и фантастическаго.

Исключеніе допускалось только для комедіи и сатиры, да и тамъ громизись, по большей части, отвлеченные пороки и восхвалялись отвлеченныя добродѣтели. Изъ видовъ поэзіи допускались только поэма, идиллія, басня, сказочка, какъ у Лафонтена; горественная ода, сентиментальная пасторальная элегія и всякая любовная придворная дребедень въ родѣ мадригаловъ, экспромтовъ, сонетовъ, шарадъ и т. п., да разсудочная сатира съ осмѣиваніемъ отвлеченныхъ пороковъ и смѣшныя, легкія, никого незадѣвающія, энграммы. Въ драмѣ допускалась только строгая трагедія съ тремя единствами и комедія, большею частію, какъ даже часто и у Мольера, сбивающаяся на фарсъ. Самый строй, манера сочиненія, планъ, слогъ, все опредѣлялось строгими правилами и по рукамъ связывалось всякое творчество, и исключалось все, что

носило на себѣ характеръ національности, живой современности или свободного вдохновенія.

Противовѣсомъ, реакціей, этому холодному и условному классицизму явилось другое направленіе, или, такъ сказать, новое литературное движеніе, получившее неопредѣленное и неточное названіе *романтизма*. Возникнувшее во второй половинѣ XVII в. въ слѣдствіе очень многихъ сложныхъ причинъ въ Англіи и утвердившееся въ Германіи въ лицѣ Гертера, Клопштока, Бюргера, особенно Шиллера и Уланда, оны имѣли огромное вліяніе на всю европейскую литературу, выразившись у насъ, отчасти, въ сентиментализмъ Карамзина и въ трагедіяхъ Озерова, и болѣе ярко, хотя и односторонне, въ балладахъ и элегіяхъ Жуковского, особенно послѣ войны 1812 года.

Романтизмъ — понятіе очень сложное, обнимающее прежде всего искусство, а затѣмъ и психологию и политику, и даже касающееся исторіи и религіи. Въ искусствѣ романтизмъ, въ полную противоположность псевдоклассицизму, освобождаетъ писателей отъ всѣхъ обязательныхъ правилъ, предоставляя поэту полную свободу творчества и признавая только геній какъ особую натуру, возносящуюся надъ толпой и страдающую непониманіемъ этой натуры, — натуру своеобразную, при-

хотливую, эгонистическую, обособленную от всего міра, въ себѣ самой ищущую удовлетворенія. Первоначал чуткость чувства и преобладаніе фантазіи над трезвымъ разсудкомъ и благоразуміемъ, опять-таки противоположно псевдоклассицизму, въ соединеніи съ неудовлетворенностью жизнью и стремленіемъ къ недостижимому и неопредѣленному идеалу, мечты, мистическая религія, идеальная любовь къ идеальной женщинѣ, мечтательная грусть—вотъ характерныя черты романтической натуры. Неудовлетворенность существующею жизнью и ея политическими и общественными порядками порождаетъ въ *однихъ* романтикахъ открытый протестъ, какъ у Вертера, или въ Разбойникахъ Шиллера, или въ Байронѣ и Гюго; въ *другихъ* — стремленіе къ старинѣ, къ прошлому, но не непременно къ греко-римскому, какъ у псевдоклассиковъ, а по большей части къ своей національной старинѣ, порождаетъ балладу англійскую и нѣмецкую, опоэтизировавшую средневѣковое рыцарство, духовенство и прекрасныхъ дамъ сердца (Вальтеръ Скоттъ). Этотъ-то романтизмъ, мечтательный и туманный, этотъ романтический, сентиментальный міръ сердца и грезъ, эти порывы къ героизму духа, это-то романтическое увлеченіе стариной, при равнодушіи къ настоящему, и культивировалъ у насъ Жуковский въ балладахъ,

элегияхъ, Орлеанской дѣвѣ и Камоэнсъ, совершенно не коснувшійся, романтизма воинствующаго, мрачнаго, протестующаго, который такъ ярко выразился въ Байронѣ и позже—въ Гюго.

Эти оба направленія литературы, классицизмъ и романтизмъ, ярко обозначившіяся въ нашей литературѣ въ первую четверть нашего столѣтія и вступившія между собой во враждебныя отношенія, очень скоро встрѣтились съ нѣмецкимъ философскимъ ученіемъ, которое, по имени своего главы Шеллинга, называется *шеллингиизмомъ*. Это-то ученіе и послужило въ Россіи *первою* научною, теоретическою основою не только одной нашей критики, но и мѣркою, критеріумомъ, всѣхъ нашихъ историческихъ понятій, и породило, такъ-называемыхъ, славянофиловъ и западниковъ, борьба между которыми имѣетъ весьма важное историческо-литературное и общественное значеніе.

Возникло это шеллингово ученіе у насъ, какъ и позднѣйшій гегелизмъ, не въ Петербургѣ, но въ Москвѣ, гдѣ больше было досужихъ богатыхъ людей, которые на покой могли заниматься отвлеченными вопросами, и куда, при отсутствіи желѣзной дороги, позднеѣ доходили петербургскія бюрократическія и иныя вѣянія, и гдѣ больше было образованной молодежи, знавшей иностранныя языки, которымъ обу-

чали помѣщичьихъ дѣтей иностранные гувернери, нѣмцы, французы, въ родѣ тѣхъ, которые воспитывали Бельтова въ романѣ *Кто виноватъ*. Рудинъ и Лаврецкаго. Рано развившись подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ, даровитые юноши, много читавшіе хорошихъ книгъ въ своихъ семейныхъ библіотекахъ и подготавливаемые къ экзамену профессорами, вступали въ Университетъ лѣтъ по шестнадцати, какъ: Станкевичъ, Грановскій, Тургеневъ и друг.

Шеллингизмъ пошелъ изъ Московскаго университета, и первымъ провозвѣстникомъ шеллингизма у насъ былъ профессоръ сельскаго хозяйства Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, который знакомилъ съ философіей Шеллинга на лекціяхъ сельскаго хозяйства, а кромѣ того въ 1825 г. читалъ и публичныя лекціи по философій. И вотъ, подъ вліяніемъ-то этого Павлова и образовался мало-по-малу въ Москвѣ особый литературный кружокъ изъ молодыхъ университетантовъ, какъ Веневитиновъ, Н. В. Кирѣевскій, Шевыревъ, Погодинъ, кн. Одоевскій и другіе. Эта-то молодежь, извѣстная подъ именемъ *архивныхъ юношей*, такъ какъ служила въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и возбуждала у насъ своими статьями и толками особенное увлеченіе романтизмомъ, какъ стремленіемъ къ

самобытности, народности, увлеченіемъ стариной и идеями національности и родственнымъ съ романтизмомъ шеллингизмомъ. Въ то же время возбуждалъ интересъ къ національной литературѣ своими сочиненіями и Пушкинъ, а въ 1824 г. появился и первый русскій критическій журналъ *Московскій Телеграфъ* Н. А. Полевого. Но, прежде чѣмъ говорить о критическихъ предшественникахъ Бѣлинскаго, — Полевого и Надеждина, постараемся изложить сущность шеллинговской философіи и вытекающихъ изъ нея двухъ направленій: — славянофильства и западничества.

Шеллингъ, придававшій огромное значеніе художественному творчеству, училъ, что вселенная (міръ) не что-нибудь иное, какъ художественное произведеніе, которое есть воплощеніе божественной идеи въ чувственныхъ формахъ. Но, подобно тому, какъ въ художественномъ произведеніи, эта идея развѣтвляется, выражается въ частностяхъ, которыя сами по себѣ представляются отдаленными, и въ то же время, все вмѣстѣ, служатъ цѣлому, — такъ и идея развѣтвляется и дробится на множество отдѣльныхъ идей, которыя все стремятся къ воплощенію, откуда и происходитъ разнообразіе жизни и формъ всего существующаго. Все люди, все человечество — воплощеніе міровой идеи, и каждый на-

родъ въ отдѣльности, разъ онъ выдѣляется изъ ряда другихъ народностей, какъ нѣчто особенное. существующее отдѣльно — долженъ представлять собою осуществленіе какой-нибудь идеи. Поэтому-то все стремленія каждаго историческаго народа должны быть направлены къ осуществленію идеи, которую онъ воплощаетъ. Если же народъ этого не дѣлаетъ, а только рабски подчиняется вліянію другого народа, болѣе могучаго, или образованнаго, онъ уже народъ не историческій. Свою идею народъ осуществляетъ и въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ государственномъ устройствѣ, и во всей общественной и частной своей жизни живетъ по своему.

Наиболѣе же полное осуществленіе своей національной идеи находитъ народъ въ своемъ художественномъ творествѣ, особенно поэзіи, сначала безличной массовой, народной, а потомъ художественной, личной, причемъ полнѣйшими выразителями своей особой національности являются гении, таланты.

И такъ, творчество есть осуществленіе божественной идеи, и истинное творчество, по Шеллингу, есть какъ бы такое же стихійно-безсознательное, какъ сама природа. И раскрываетъ оно, часто, даже помимо воли самого поэта, не идеи лично

ему принадлежація, но тѣ, которыя лежатъ въ глубинѣ духа его народа.

Изъ этого-то ученія Шеллинга съ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка и образовалось два особыхъ направленія, двѣ особыя литературныя партіи, западниковъ и славянофиловъ, которые лѣтъ на тридцать, на сорокъ, раздѣлили нашу всю литературу на два враждебныхъ лагеря. Представителями западничества явились Полевой, Надеждинъ, и особенно Вѣлинскій; представителями славянофильства — братья Кирѣевскіе, Хомяковъ, Шевыревъ. Погодинъ, Авсаковъ и многіе другіе.

Зародившись въ Москвѣ, эти направленія позжѣ рѣзко обозначались и по мѣсту своего проявленія. Славянофилы прочно основались въ Москвѣ и создали свои журналы „Москвитянинъ“, а западники цѣлѣствовали въ Петербургѣ, сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевского, а съ 1847 г. въ „Современникѣ“ Некрасова и Панаева.

Различіе между ученіями славянофиловъ и западниковъ вышло изъ различнаго толкованія основной философіи Шеллинга по примѣненію ея къ Россіи, ея исторіи, литературѣ и всему нашему просвѣщенію. Вопросъ сводился къ тому: что мы, русскіе, за народъ сравнительно съ цивилизованными народами Запада, т.-е. Англіей, Франціей,

Германіей, и должны ли мы идти обособленно, своею дорогою, высокомерно отвернувшись отъ зло-вреднаго, тлетворнаго, будто бы умирающаго, запада;—или же, наоборотъ, сознавъ нашу отсталость, прежде всего постараться догнать болѣе насъ просвѣщенный Западъ, чтобы затѣмъ уже осуществить въ дальнѣйшей своей исторіи предпаваченную намъ свыше, особую, національную идею.

По Шеллингу, всякій народъ осуществляетъ свою идею, конечно, только въ возрастѣ зрѣломъ, когда этотъ народъ, благодаря достигнутой высшей степени образованія, придетъ къ самосознанію, точно такъ же какъ отдѣльный человѣкъ, окончившій свое образованіе и выступившій на общественную дѣятельность, сознательно ее себѣ выбираетъ и, по крайнему своему убѣжденію, по своему, сознательно же, осуществляетъ. На болѣе же низшей ступени своего развитія всякій народъ сперва подчиняется вліянію болѣе старшихъ и болѣе образованныхъ народовъ. Такъ греки подчинились Египту, римляне—цивилизациі греческой, европейскіе народы—вліянію древней образованности, и т. д. и только позднѣе уже стали осуществлять свою національную идею по своему и Англія, и Франція, и Германія. Точно такъ же и отдѣльный человѣкъ сначала учится, подчиняется вліянію воспринятаго въ школѣ обра-

зованія, и затѣмъ уже выходить въ жизнь, чтобы самому дѣлать по своему свое дѣло, и сказать свое собственное, новое, слово.

Вопросъ, значить, въ томъ, какой мы—русскіе—народъ по отношенію къ западной цивилизаціи: младшій ли, который сначала долженъ воспринять западную образованность. — другими словами, — догнать Европу, сравняться съ нею, а потомъ уже начать, претворить, примѣнить эту образованность къ себѣ, жить по своему; или же, наоборотъ, что мы, русскіе, народъ вовсе не младшій, а такой же цивилизованный, какъ и Европа, и начавшій жить одновременно съ нею, только воспринявшій цивилизацію не изъ Рима, а изъ Византіи, такъ что въ византійскомъ же духѣ древней Руси до-петровской намъ и слѣдуетъ идти, отвернувшись отъ цивилизаціи западной, только, будто бы, насъ портящей. Отъ рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону зависить и взглядъ на Петра Великаго и на его реформу. Петръ Великій и составлять для западниковъ и славянофиловъ главный пунктъ спора.

Западники, съ Бѣлинскимъ во главѣ, смотрѣли на Россію, какъ на націю младшую, некультурную, которой одряхлѣвшая Византія передала только косность, схоластику и великое самомиѣніе. Россіи именно больше всего недостаетъ просвѣщенія, и

нужно смотрѣть на Петра, какъ на генія, который созналъ нашу отсталость и первый сталъ державною рукой смѣло сѣять просвѣщеніе. „Русскій, говорятъ западники, у кого есть здравый умъ и живое сердце, до тѣхъ поръ не могъ и не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ патриотомъ въ смыслѣ Петра Великаго — дѣятелемъ въ великой задачѣ просвѣщенія русской земли. Въ остальные интересы его дѣятельности — служеніе чистой наукѣ, если онъ ученый, чистому искусству, если онъ художникъ, даже идеѣ общечеловѣческой правды, если онъ юристъ — подчиняются у русскаго ученаго, художника, юриста, великой идеѣ служенія на пользу своему любезному отечеству. Просвѣщеніе прежде всего, прогрессъ экономическій, общественный, политическій, усвоеніе всего лучшаго, общечеловѣческаго, что вѣками и борьбой пріобрѣла Европа“, — вотъ знамя, за которое боролись западники, и съ которымъ въ рукѣ палъ герой духа Бѣлинскій.

Славянофилы смотрѣли на древнюю Русь, какъ на націю уже сложившуюся, которая должна была только постепенно идти дальше въ византійскомъ духѣ и которую Петръ Великій только задержалъ и сбилъ съ толку своей реформой. Облекшись въ маскарадный костюмъ народности, понадѣвъ мурмолки, косоворотки и высокіе сапоги, какъ на ста-

рости лѣтъ Аксаковъ, славянофилы прославляли црєвнія русскія доблести и простоту наивныхъ и невѣжественныхъ нравовъ, съ презрѣніемъ относились къ просвѣщенію Запада и въ своемъ ослѣплєніи совершенно искренно явились сторонниками многихъ темныхъ сторонъ нашей жизни. Они звали Русь назадъ, домой, въ до-петровскую эпоху, чтобъ идти съизнова отъ нея, самобытно пролагая новые пути по непроходимымъ дѣбрямъ невѣжества. Западники громко звали Русь впередъ, къ свѣту, къ общечеловѣческой разумной жизни и въ петровской реформѣ и послѣдующей русской исторіи отыскивали просвѣтительныя задатки, которые только слѣдуетъ обратить въ прочный и вѣрный капиталъ, который и называется однимъ общимъ для всего чєловѣчества, и для французовъ, и для нѣмцевъ, однимъ словомъ — *просвѣщеніе!*

Вотъ, на этихъ-то идеяхъ Шеллинга и на зарождающихся ученіяхъ славянофиловъ и западниковъ и явился въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ предшественники Бѣлинскаго: Полевой съ журналомъ Московскій Телеграфъ и Надеждинъ съ своимъ Телескопомъ. Остановимся на минуту на этихъ двухъ замѣчательныхъ личностяхъ, чтобъ тѣмъ яснѣе понять смыслъ дѣятельности Бѣлинскаго.

Что такое былъ Николай Алексѣевичъ Полевой (1796 — 1846)? Чѣмъ отличался онъ отъ всѣхъ этихъ архивныхъ юношей, какъ Веневитиновъ, Одоевскій и другіе первые проповѣдники романтизма и шеллингизма, которые были гораздо его образованнѣе? Это былъ сынъ Иркутскаго купца, винокура, человѣкъ изъ народа, самоучка, съ великимъ трудомъ одолѣвшій французскую грамоту у пьянаго цирюльника наполеоновской арміи, а у старика богемца, учителя музыки — нѣмецкую; человѣкъ громадной памяти и обширнѣйшей энциклопедической начитанности, страстнаго темперамента и платонической жажды просвѣщенія. Все это: и происхожденіе, и самообразованіе безъ диплома, и эта жажда служить отечественному просвѣщенію—все это было поставлено ему въ вину, все подверглось беззубому остроумію со стороны петербургскихъ Булгарина и Греча съ Сенковскимъ, или московскихъ литераторовъ чиновниковъ, выставившихъ противъ Полевого въ 1826 г. убогаго водевильста Писарева, который, какъ москвѣ, обзавалъ редактора Московскаго Телеграфа, напр., такими виршами, раздавшимися съ подмостокъ Малаго театра:

Теперь вездѣ народъ затѣйный:—
Пренебрегаетъ простотою —
Всѣмъ мнѣ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ Полевой;

или вотъ такимъ куплетцемъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить
Самъ, не кончивши ученья,
Всѣхъ собирается учить:
Мертвыхъ и живыхъ тревожить, —
Не пора-ль ему шепнуть:
Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ нибудь

Надъ чѣмъ же однако смѣялись? Страстно любя просвѣщеніе, упорно учась самъ и дома, и вольнослушателемъ въ Московскомъ университетѣ, онъ, двадцати восьми лѣтъ, задумалъ и самъ послужить просвѣщенію своей родины и въ 1824 году основалъ первый русскій публицистическій, въ европейскомъ духѣ, журналъ „Московскій Телеграфъ“, и этотъ журналъ, необыкновенно популярный по изложенію, разнообразный и занимательный по содержанію, обнимавшему всѣ европейскія новости въ области науки, литературы и общественной жизни, какъ нельзя болѣе былъ въ свое время нуженъ и пришелся по плечу публикѣ. Онъ первый ввелъ доступную для средняго читателя критику съ точки зрѣнія романтизма и шеллинговской доктрины о національности и далъ нѣкоторую оцѣнку русскихъ писателей, напр., Державина и Пушкина. Его теорія романтизма съ выспрепными, непонятными тол-

пон, страдальцами—поэтами, его не всегда вѣрное приложеніе народности къ оцѣнкѣ писателей, конечно, не состоятельны; но онъ давалъ публикѣ разнообразное знаніе, поселилъ въ ней интересъ къ наукѣ. Онъ вводилъ читателя въ интересы европейскіе, общечеловѣческіе, говоритъ о Шиллерѣ, о Байронѣ; онъ, какъ и Карамзинъ, создавалъ публику, заставлялъ ее читать, давалъ цѣлую энциклопедію знаній въ легкой формѣ. Системы критики онъ не далъ, но болѣе всѣхъ расчистилъ дорогу Бѣлинскому. Ярый поборникъ западничества, онъ окрестилъ самомниціи патріотизмъ словечкомъ *квасной*; но, зарвавшись на осужденіи патріотической драмы *Рука Всевышняго*, онъ въ 1834 году сразу былъ сбитъ съ своей литературно-просвѣтительной дѣятельности: Телеграфъ подвергся запрещенію, несчастный редакторъ разорился и переехалъ въ Петербургъ. Здѣсь, перенуганный и униженный бѣдностью, обремененный семействомъ и наемнымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба, этотъ злополучный мученикъ благородной охоты сжегъ всѣ корабли, и, поклонившись богамъ, которыхъ только что инсвергалъ, сталъ писать самъ драмы и новѣсти въ духѣ того самого квасного патріотизма, надъ которымъ въ Телеграфѣ такъ смѣялся. И все это онъ самъ прекрасно понималъ, и мучился, и проклиналъ себя, пока, обез-

силѣвъ, не умеръ въ 1846 г. почти въ нищетѣ, въ Петербургѣ.

Страшная, трагическая судьба, какъ и у Николы, одного изъ пионеровъ русскаго просвѣщенія! Но судьбы Божіи непонимы и милостивы, такъ какъ въ годъ запрещенія Телеграфа, въ томъ же 1834 г. выступилъ съ *Литературными мечтаніями* Бѣлинскій, въ *Молодь* — приложеніи къ издававшемуся въ Москвѣ же съ 1831 года, профессоромъ Надеждинымъ, *Телескопу*. На ряду съ Полевымъ, другомъ предшественникомъ Бѣлинскаго, его ближайшимъ наставникомъ является Николай Ивановичъ Надеждинъ, какъ бы посредствующее звено между Полевымъ и Бѣлинскимъ.

Надеждинъ (1804—1856 г.), сынъ сельскаго рязанскаго священника, блестяще окончилъ семинарію и Московскую духовную Академію, гдѣ пристрастился къ философіи и сдѣлался самъ профессоромъ словесности въ Рязанской семинаріи, но въ 1826 г. вышелъ въ отставку и переехалъ въ Москву, гдѣ сталъ готовиться къ профессурѣ, подслуживаясь къ редактору Вѣстника Европы Каченовскому, своему профессору, и поминывая у него въ журналѣ, подъ псевдонимомъ Никодима Неоумки, критическія статьи съ малоостроумными вылазками противъ Пушкина и проводя эстетическіе

взгляды крайне неопредѣленные, туманные и схоластичныя.

Но, защитивъ публично въ концѣ 1831 года диссертацию о романтической поэзіи и получивъ въ Московскомъ Университѣ каѣстру ординарнаго профессора изящныхъ искусствъ, Надеждинъ сразу сбросилъ съ себя опеку Каченовскаго, который сталъ ему болѣе не нуженъ, и выступилъ въ литературу совсѣмъ другимъ человекомъ, въ своемъ собственномъ, основанномъ въ томъ же 1831 году, журналѣ *Телескопъ* съ приложеніемъ *Молвы*. Этому Надеждину, блестящему профессору, поражающему студентовъ своею діалектикой, проводившаго ученіе Шеллинга, недолго слушалъ и Бѣлинскій, зачитывавшійся *Телескопомъ* и, кажется, еще въ университетѣ имъ замѣченный. Еще въ диссертациі развилъ Надеждинъ три основныхъ тезиса всей позднѣйшей критики и своей, и Бѣлинскаго, которые сводились къ слѣдующему: 1) гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; 2) поэзія, единая по существу, облекается въ различныя формы; 3) формы поэзіи, въ которыхъ она проявляется, опредѣляются духомъ времени. Эти мысли, выраженные только болѣе ясно, находимъ мы и въ *Телескопѣ*, гдѣ Надеждинъ прямо указываетъ на то, что искусство есть воспроизведеніе природы, а художественные образы

генія—это не что иное, какъ зеркало человѣчества. Отсюда уже естественно вытекаетъ требованіе отъ поэта естественности и народности, и всѣ эти мысли, къ которымъ Полевой только подходилъ, которые, какъ сказать, въ своемъ Телеграфѣ предчувствовали, въ первый разъ болѣе опредѣленно были поставлены Надеждинымъ въ Телескопѣ, и Надежинъ можетъ быть смѣло названъ предтечею Бѣлинскаго, который и началъ съ оцѣнки русской литературы именно на основаніи требованій своего учителя.

Зѣкъ кстати сказать и вообще о значеніи въ нашей критикѣ русскаго шелленгизма, который въ литературѣ проглядывалъ еще въ двадцатыхъ годахъ у рано умершаго поэта Веневитинова († 1827 г.) и отражался въ статьяхъ Полевого. Шелленгисты на мѣсто одного романтическаго принципа полной свободы творчества, т.-е. искусства для искусства, поставили принципъ самообитности съ осужденіемъ относился Шелленгисты къ нашей *лекомысленной и пустой стихоманіи*, виршеплетству, требуя отъ художественнаго произведенія не одной только *лекости*, *безотчетнаго наслажденія*, которое только отвлекаетъ людей отъ мысли и высокой цѣли совершенствованія ума и совѣсти. Шелленгисты, послѣдовательно отъ Веневитинова и князя Одоевскаго, до самого Бѣлинскаго включительно, требовали все

настойчивѣе и опредѣленнѣе, чтобы поэты были вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезными мыслителями философами, вѣщцами просвѣщенія. Они *требовали*, главнымъ образомъ, того, чтобы искусство неуклоно имѣло въ виду высокія общественныя и нравственныя цѣли, и поэты отнюдь не забавлялись бы праздною цѣлью доставить наслажденіе. Заслуга шелленгистовъ въ томъ, что они положили у насъ начало тому серьезному взгляду на задачи искусства, который обязателенъ теперь для всякаго образованнаго человѣка.

Чѣмъ же былъ изъ всѣхъ этихъ шелленгистовъ Надеждинъ? У него было все: и ученость, и основательное образованіе, острый умъ, но безъ страстности Полевого и безъ горячаго сердца и вдохновенной убѣжденности Бѣлинскаго. Разсчетливый и холодный скептикъ по отношенію къ Россіи. Надеждинъ не былъ патріотомъ въ смыслѣ Полевого, и тѣмъ болѣе Бѣлинскаго, такъ горячо любившаго родину и всегда имѣвшаго въ виду ея интересы. Не было у него, что всего хуже, и необходимаго для критика эстетическаго чувства для вѣрной оцѣнки художественнаго произведенія, которое подтвердило бы его теоретическіе взгляды. Признавая, напр., и естественность, и народность въ Борисѣ Годуновѣ Пушкина, онъ въ то же время находилъ эти каче-

ства въ какой-нибудь надутой повѣсти Погодина или въ Юрій Милославскомъ Загоскина, а въ искусственной поддѣлкѣ подъ народный токъ и складъ—сказку Жуковского *О царь Берендѣ* усматривать расцвѣтъ русской народной поэзіи и ставилъ ее даже выше Бориса Годунова.

Не было въ Надеждинѣ, какъ и въ Полевомъ, мужества духа, твердаго въ бѣдѣ и вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ въ тяжкихъ испытаніяхъ. Когда стряслась въ 1835 г. надъ Надеждинымъ бѣда, онъ совсѣмъ отказался отъ всякой литературно-общественной критической дѣятельности и весь погрузился въ безконечныя этнографическія и археологическія изслѣдованія. Впрочемъ, и бѣда-то стряслась страшная. Я уже говорилъ объ особомъ патріотизмѣ, дошедшемъ до теркулесовыхъ столбовъ въ отрицаніи Героны со стороны славянофиловъ и о запрещеніи Телеграфа за необорительный отзывъ о драмѣ *Рика Вессингана*. Съ Надеждинымъ это было посерьезнѣе, чѣмъ съ Полевымъ. Но послушаемъ, что говоритъ о тогдашнемъ патріотизмѣ, преимущественно петербургскомъ, современникъ событій, Тургеневъ ¹⁾. „Въ то время какъ Пушкинъ, отвернувшись отъ толпы, погрузился въ творчество, обдумывая свои

¹⁾ Тургеневъ, изд. 1880 г., Т. I, стр. 35

послѣднія завѣтныя поэтическія произведенія. 1
которыхъ, добавимъ мы словами Пушкина же, со-
крылись для насъ, можетъ быть, святыя тайны. въ
литературѣ нашей совершались, если не великія,
то знаменательныя событія. Подъ вліяніемъ особыхъ
обстоятельствъ тогдашней жизни Европы, съ 1830
по 1840 годъ, у насъ сложилось убѣжденіе въ томъ,
что мы не только великій народъ, но что мы —
великое, вполнѣ овладѣвшее собой, неизбѣжно твер-
дое государство, и что художеству, что поэзіи пред-
стоитъ быть достойными провозвѣстниками этого
величія и этой силы. И вотъ, вдругъ, почти одно-
временно, отвѣчая на спросъ, явилась цѣлая фа-
ланга людей и даровитыхъ, но на даровитости ко-
торыхъ лежалъ общій отпечатокъ реторпкн, виѣш-
ности, соотвѣтствующей той великой, но чисто
виѣшной силѣ, которой они явились отголоскомъ.
Они явились и въ поэзіи—напр. Кукольникъ, съ его
драмами, Бенедиктовъ, Загоскинъ, Марлинскій; въ
живописи—Брюловъ, въ театрѣ—Каратыгинъ, даже
въ музыкѣ;—геніальный Глинка написалъ первую
свою оперу *Жизнь за Царя* на напыщенное и рето-
рическое либретто нѣмца барона Розена. Это на-
правленіе называетъ Тургеневъ ложновеличавой шко-
лой, въ которой „чувствовалось что-то неестинное,
что-то мертвое, даже въ минуты ея кажущагося

горжества, и ни одного живого, самобытнаго ума не покорила она безвозвратно. Произведенія этой школы, проникнутыя самоуглубленностью и самохвальствомъ, посвященныя возвеличенію Россіи, во что бы то ни стало, въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патріотами, не знавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ украшеніемъ великаго государства и великаго народа".

Вотъ этой-то школѣ и не пришлось по вкусу даже самая скромная критика Полевого. Какъ же должно было озлобить этихъ и имъ подобныхъ патриотовъ своего отечества, ихъ же было не мало, появившееся въ 1835 г. въ „Телескопѣ“ Надеждина, Историческое письмо Чаадаева, богатаго москвича, отставнаго аристократа-офицера, который, въ увлеченіи своимъ западничествомъ, осмѣлился дойти до полнаго отрицанія смысла всей русской жизни, и даже до сожалѣнія, что Россія потому-то такъ и жалка, что она лишена была вовсе того воспитательнаго вліянія, какое въ средніе вѣка оказало на Россію католичество?!

Громъ ударилъ. Надеждинъ былъ лишенъ профессорской кафедры и сосланъ въ Вологодскую гу-

бернию въ Устьсыольскъ; Чаадаевъ, авторъ статьи, признанъ сумасшедшимъ и оставленъ въ Москвѣ на житье подъ медицинскимъ присмотромъ. „Теле-скопъ“ и „Молва“, конечно, были запрещены.

Надеждинъ сошелъ со сцены, вмѣстѣ съ Полевымъ расчистивъ путь для самаго крупнаго пионера русскаго просвѣщенія. Полевой и Надеждинъ это первые пахари на нивѣ общественнаго русскаго сознанія. Бѣлинскій — не только сѣятель русской мысли на неблагоприятной почвѣ, но и взроститель ея при самыхъ печальныхъ почвенныхъ, климатическихъ и историческихъ условіяхъ, такъ рановременно сложившій на этой нивѣ свою буйную, горячую, голову. Въ 1834 г. сошелъ со сцены Полевой, въ 1835 г. — Надеждинъ... арена была расчищена, общество ждало новаго бойца... и могла воскликнуть — шире дорогу! Бѣлинскій идетъ!

Признается истиной, что здоровый духъ можетъ обитать только въ здоровомъ тѣлѣ. Но могучій духъ величайшей нравственной энергіи живетъ у Бѣлинскаго въ тѣлѣ тщедушномъ и слабомъ физически съ самаго дѣтства. Удивительно, какъ могъ онъ, такъ страшно „волнуясь, книся и снѣша“, прожить до 38 лѣтъ и до самой смерти сохранить всю бодрость этого духа, весь свой великій разумъ и въ

14 лѣтъ каторжной жизни пролетарія-чернорабочаго столько сдѣлать для горячо любимой имъ роины! Вся жизнь его, — какъ говорить о себѣ въ Пѣснѣ о Роландѣ Карлъ Великій, — была однимъ тяжелымъ трудомъ за правду, и его безукоризненно строгій нравственный образъ не только служилъ примѣромъ для его друзей и лучшихъ изъ современниковъ, при его жизни, но даже и теперь, черезъ цѣлыхъ полстолѣтій по смерти, остался таковымъ же и для насъ. Такъ неизблемо выдержать судъ потомства—удѣлъ очень немногихъ во всемъ мірѣ, и мы, русскіе можемъ, по истинѣ, гордиться имъ не только какъ писателемъ, но и какъ человѣкомъ. Слово никогда не расходилось у него съ дѣломъ, онъ и въ жизни безъ компромиссовъ съ совѣстью, честно служилъ всему тому, чему училъ, и равнаго ему бойца слова и такого человѣка, чистаго по жизни, я не знаю.

Бѣдна виѣшними фактами его біографія и вся можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ. Сынъ бѣдняка-провинціального лекаря, не кончившій курса ни въ гимназій, ни въ университетѣ, онъ двадцати-четырехъ лѣтъ выступилъ въ литературу, каторжнымъ поденщикомъ, живя впроголодь, среди невозможныхъ матеріальныхъ условій, рано подорвавшихъ его здоровье, сначала въ Москвѣ,

потомъ въ Петербургѣ; за пять лѣтъ до смерти бѣд-
някомъ же женился, продолжалъ работать еще уси-
леннѣе, за тѣ же гроши; наконецъ, умеръ въ злой
чахоткѣ, не арестованный и не высланный изъ сто-
лицы съ запрещеніемъ писать, что равносильно было
для него смерти, только потому, что, по допесенію
Дуббельта Бенкендорфу „извѣстный сочинитель Вѣ-
линскій арестованъ быть не могъ, такъ какъ на нѣ-
мъ совершается уже судъ Божій“ — похороненъ
въ глухомъ углу Волкова кладбища; проводило его
къ могилы всего около десятка друзей — вотъ и вся
вѣшняя біографія Вѣлинскаго.

Но та же жизнь, такая простая по фактамъ
вѣшнымъ, необыкновенно богата фактами внутрен-
ними. Ужъ одно то, что пережито, передумано имъ,
одна громадная переписка его, цѣлыя тетради пи-
семъ, изъ которой напечатана только часть (незадолго
передъ смертью онъ сжегъ и уничтожилъ множе-
ство своихъ бумагъ), кромѣ 12 томовъ его сочи-
неній печатныхъ, куда вошли далеко не все, сви-
дѣтельствуютъ о его громадной внутренней жизни.

Постараемся же въ бѣгломъ обзорѣ прослѣдить
эту жизнь, отмѣтивъ въ ней явленія наиболее
крупныя.

Дѣдъ Вѣлинскаго, сельскій дьяконъ въ селѣ
Вѣлини, Пензенской губерніи, человекъ замѣчатель-

ный по строгому образу жизни и уму, оставивший по себѣ въ семьѣ память праведника. Отецъ—флотскій врачъ, женившійся въ Кронштадтѣ, на дочери офицера, женщиной доброй, но, кажется, очень мало подходившей къ нему по уму и характеру. Это былъ прекрасный врачъ, выдававшійся острымъ умомъ, правдивостью и начитанностью, образомъ мыслей независимымъ и рѣзкостью. Дѣтство его старшаго сына, Виссаріона, родившагося въ 1810 г., въ Свеаборгѣ, прошло до шести лѣтъ среди угрюмой природы Финляндіи, а въ 1816 г. отецъ перешелъ уѣзднымъ врачомъ въ глухой городишко Пензенской губерніи, Чембаръ. Интересная, появившаяся въ мартѣ 1898 г. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, статья г. Якунина-Захарына „Вѣлискій и Лермонтовъ“ — (изъ чембарскихъ воспоминаній), рисуетъ это захолустье однимъ изъ тѣхъ городовъ, которые изображалъ такъ ярко Гоголь, и мальчикъ могъ видѣть эти гоголевскіе типы во всей ихъ неприкосновенности и рано узнать русскую жизнь съ ея обыденной, непоказной, стороны. Отецъ сразу разошелся во всемъ съ обывателями и, рѣзкій на языкъ, прослылъ въ городѣ безбожникомъ и волтерьянцемъ, и почти лишился частной практики. Неподдержанный и женой, сжившейся, повидимому, съ чембарскими правами, онъ занялся, и къ подоспѣвшей

бѣдности присоединились тяжелыя безобразныя семейныя сцены, которыхъ мальчикъ былъ свидѣтелемъ. А мальчикъ, тѣдунный и небрасивый, сутуловатый и угрюмый на видъ, былъ не по лѣтамъ развитъ, первенъ и впечатлителенъ крайне; ко всему присматривался, во все вдумывался и много читалъ. особенно любя стихи. Отецъ страстно любилъ его, видѣлъ въ немъ необыкновенныя способности и съ нимъ однимъ, своимъ ребенкомъ, единственнымъ въ городѣ симпатичнымъ ему лицомъ, перѣдко бесѣдовалъ, какъ со взрослымъ. Много бѣдности, горькой нужды, домашнихъ дразгъ и безобразій видѣлъ онъ въ дѣтствѣ; но не озлобленіемъ и эгоизмомъ прониклась его юная душа, а загорѣлось въ ней, съ мягкихъ лѣтъ, та любовь, та гуманность, съ какой относился онъ всю свою жизнь ко всему обездоленному, страдающему по невѣжеству и гнету окружающихъ условій жизни. Въ Бѣлинскомъ-ребенкѣ, какъ въ герояхъ Диккенса, выросшихъ среди нищеты и порока, рано виходили сѣмена протеста и борьбы со зломъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлать изъ него упорнаго борца съ неправдой. Здѣсь же, въ семьѣ, отъ отца, получилъ онъ зачатки развитія религіознаго и крѣпкій нравственный закалъ; здѣсь же слышалъ имена великихъ писателей, напр., Шиллера, и получилъ платоническое къ нимъ уваженіе

и любовь къ литературѣ. Отецъ его, какъ ни унижалъ себя пьянствомъ, самъ по себѣ былъ натура необыкновенная, мѣтко и остро смѣявшаяся надъ отрицательными явлениями окружающей жизни, человекъ неспособный на компромиссъ съ совѣстью и примиреніе съ этой жизнью. Сынъ сознавалъ его недостатки, но не проглядѣлъ и его достоинствъ.

Шести лѣтъ мальчикъ уже обучился грамотѣ, а тринадцати поступилъ въ 1823 г. въ Чембарское уѣздное училище. Училище было ужасное, какъ и другія училища того времени, и мало чему могъ онъ тамъ выучиться; но оно, по крайней мѣрѣ, не портило его богатой натуры. Благодаря доброй личности смотрителя, отличавшаго способнаго ребенка, который учился прекрасно, обративъ на себя особенное вниманіе тогдашняго директора училищъ Пензенской губерніи — Лажечникова. Будущій авторъ Басурмана и Медяного дома отмѣтилъ необыкновенныя способности, ясность отвѣтовъ, отличавшую мальчика серьезность и умѣнье держать себя съ начальствомъ съ достоинствомъ, безъ робости и приниженности. Онъ обласкалъ его, подарилъ даже на память книгу съ собственноручною надписью, и мѣтко прозвалъ будущаго бойца за литературу — *ястребкомъ*. „Наружность этого мальчика лѣтъ 12, пишетъ Лажечниковъ, — привлекла мое вниманіе. Любъ его былъ

прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ: худенькій и маленький, онъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ, и смотрѣлъ онъ очень серьезно, и, какъ ни старался я сбить его въ вопросахъ, на экзаменѣ, бросаясь отъ одного предмета къ другому, онъ вышелъ изъ испытанія съ торжествомъ. А когда я поцѣловалъ этого сына здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря, этого мальчика Виссаріона Бѣлинскаго и далъ ему книгу, принялъ ее отъ меня безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную дань, безъ низкихъ поклоновъ, которыми учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства“. Такъ-то отмѣтилъ почтенный русскій писатель и прекрасный гуманный человѣкъ, Иванъ Лажечниковъ, нарождающагося великаго русскаго писателя и гуманиста, Виссаріона Бѣлинскаго.

Въ 1825 г. четырнадцать лѣтъ поступилъ Бѣлинскій въ четырехклассную Невзенскую гимназію, помѣстившись въ городѣ на частной квартирѣ вмѣстѣ съ семинаристами, большими любителями чтенія и литературныхъ научныхъ словопреній и диспутовъ. Въ гимназій юноша скоро прослылъ „философомъ“, превосходно учился по логикѣ, по исторіи и географіи, плохо однако справляясь съ математикой и обладая громадною памятью, помнилъ наизусть цѣлую массу стиховъ, которыми искусно пользовался

для примѣровъ реторическихъ фигуръ и особенно хорошо понималъ формулы логики.

Но особенное вліяніе на Бѣлинскаго въ гимназій имѣлъ рѣдкій по широкому философско-литературному образованію и гуманности учитель естественной исторіи Поповъ, знакомившій учениковъ въ классахъ и на экскурсіяхъ больше съ литературой, чѣмъ со своимъ обязательнымъ предметомъ и охотно съ учениками бесѣдовавшій. Къ нему ходилъ Бѣлинскій и на домъ и бралъ у него книги и журналы: „Вѣстникъ Европы“, „Телеграфъ“, „Московский Вѣстникъ“ и другіе, впитывая въ себя духъ Полевого и Надеждина, о которыхъ вель съ сожителями-семинаристами горячіе споры. Сама естественная исторія (Поповъ кончилъ въ Казанскомъ Университетѣ курсъ по двумъ факультетамъ, историко-филологическому и естественному) была проникнута у Попова, живымъ духомъ науки и обобщеній, и имена Бюффона и Гумбольдта съ его *картинами природы*, чередовались въ бесѣдахъ наставника съ именами: Жуковского и Шиллера, Тацита и Шекспира. Любопытный же ученикъ, перисмывавшій цѣлыя тетради и стихами русскихъ писателей, и своими собственными, безпрестанно приставалъ къ своему наставнику съ разспросами о Гете, Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ, Пушкинъ, ро-

мантизмъ, словомъ, обо всемъ, что волновало въ старое время молодые сердца.

Такъ, еще на гимназической скамьѣ, собирался у юноши капиталъ знаній по литературѣ русской и европейской, а чисто синтетическій, быстро схватывающій и обобщающій, умъ укрѣплялся въ беседахъ съ наставникомъ и спорахъ съ товарищами. Какъ видно, и здѣсь, подобно тому, какъ и въ училищѣ, его развитіе не задерживалось, а напротивъ шло въ ширь и глубь, такъ что вскорѣ въ гимназій ему нечего было и дѣлать, и онъ, предавшись чтенію дома, сталъ ходить въ гимназію очень рѣдко, задумавъ держать экзаменъ прямо въ Московскій университетъ. И вотъ, къ Рождеству 1828 г., уже восемнадцатилѣтнимъ юношей, онъ уѣхалъ къ родителямъ въ Чембарь и уже больше въ гимназію не возвращался, и его вычеркнули изъ списковъ.

Что же вынесъ Бѣлинскій изъ своей жизни до поступленія въ университетъ; съ чѣмъ выступилъ, чтобы приготовить себя къ литературному поприщу, къ которому чувствовалъ истинное призваніе? Съ одной стороны, закалила и развила его тяжелая жизнь въ родительскомъ домѣ, а бѣдность стойчески переносимая и имъ самимъ, и товарищами семинаристами въ Цевѣ, выучила терпѣнію и выносли-

вости. хотя, можетъ быть, и положила начало чажотки, только позадержавшейся до болѣе благоприятныхъ моментовъ развитія. Съ другой стороны, была прочтана масса книгъ и, какъ никакъ, получено систематическое гимназическое образованіе, котораго онъ не закончилъ формально только потому, что при своихъ способностяхъ взялъ его все цѣликомъ гораздо раньше товарищей. Но что всего важнѣе,—Бѣлинскій еще въ гимназій ознакомился съ крупнѣйшими писателями Запада, напр., Гете, Байрономъ, Шиллеромъ, Тацитомъ, Шекспиромъ, Бюффономъ, Гумбольдтомъ, а также и съ направленіемъ и духомъ литературъ, чего въ его годы были лишены и Пушкинъ, и Лермонтовъ, не говоря уже о почти невѣственномъ нѣжинскомъ студентѣ—Гоголѣ.

Не забудемъ также, наконецъ, и вліянія на Бѣлинскаго Пензенскаго театра, который былъ любимѣйшимъ удовольствіемъ молодежи, ради котораго Бѣлинскій приберегалъ гроши, отказывая себѣ въ необходимомъ и даже дѣлая ради этого скромныя займы.

Такимъ-то образомъ, Чембаръ и Пенза дали Бѣлинскому для поступленія въ университетъ и извѣстный нравственный закалъ, и развитіе, и знанія, и эстетическую любовь къ искусству. Бодро

смотрѣлъ впередъ въ жизнь этотъ бѣднякъ-пролетарій по матеріальному положенію, и богачъ по сложившемуся духовному міру, полный возвышенныхъ идеаловъ и пылкихъ надеждъ, самъ таковой маленький, тщедушный, худой, слабогрудый, блѣдкурты заморышъ, но съ удивительными голубыми глубокими глазами, поражавшими, какъ говорятъ его современники, до самой смерти его всякаго, и въ которыхъ, по словамъ Головачовой, близко его знавшей въ послѣдніе годы, бѣгали какіе-то странные, необыкновенные, огоньки.

Кое-какъ добрался Вѣлинскій до Москвы, и въ концѣ лѣта, выдержавъ прекрасно экзаменъ въ Московскій Университетъ, подалъ просьбу о принятіи его на казенное содержаніе; но приняли его только къ Рождеству, и какъ жилъ онъ за это время, странно бѣдствуя, впродолжѣе года, едва не исключенный изъ университета за пенявіе форменнаго платья, знаетъ одинъ Богъ.

Университетъ въ это время, въ 1829 году, находился въ состояніи самомъ жалкомъ: ни одного, кромѣ Павлова, даровитаго, живого, изъ профессоровъ, которыхъ студенты не уважали и дѣлали имъ скандалы; чтение предметовъ науки по тетрадкамъ и по книжкамъ; безобразныя отношенія къ студентамъ начальства. Но молодежь, собранная съ раз-

ныхъ концовъ Россіи и возбужденная новымъ литературнымъ движеніемъ, главнымъ образомъ, комедіей Грибоѣдова, Пушкинымъ и Московскимъ Телеграфомъ Полевого, а также Московскимъ театромъ, гдѣ отличались Мочаловъ и Щепкинъ, создала себѣ свой особый способъ просвѣщенія. И вотъ, въ № 11 общежитія студентовъ, занимаемаго Бѣлинскимъ, образовался студенческой кружокъ, гдѣ и пошли горячіе дебаты о романтизмѣ и шеллинговскихъ эстетическихъ теоріяхъ, проводимыхъ съ ка-
едры сначала единственнымъ живымъ профессоромъ М. Р. Павловымъ, а затѣмъ съ 1831 года Надеждинымъ, имѣвшимъ особенное вліяніе на Бѣлинскаго. Такъ какъ кружокъ 11-го номера начинается собою исторію философскихъ и, позднѣе, социально-общественныхъ кружковъ въ Россіи, игравшихъ такую большую роль въ исторіи нашего самосознанія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, то скажу нѣсколько словъ о ихъ значеніи. У двухъ крупнейших русскихъ писателей, у Герцена и у Тургенева, дѣятельныхъ участниковъ этихъ кружковъ, мы встрѣчаемъ очень рѣзкое ихъ осужденіе, вызванное, какъ намъ кажется, отношеніями личными; но мы думаемъ о кружкахъ иначе. Нужно только вспомнить, какова была въ то время общественная атмосфера, какими жалкими и личными, матеріаль-

ными, интересами жило русское общество, живо изображенное Грибоедовымъ, Гоголемъ и также Пушкинымъ, чтобъ понять, что у насъ кружокъ являлся для молодежи, именно по своей обособленности, настоящимъ спасеніемъ отъ пошлости и единствен- нымъ почти средствомъ къ саморазвитію въ обще- ствѣ, гдѣ молодежь могла только развращаться. Сильное вліяніе студенческаго кружка на умствен- ное развитіе испыталъ на себѣ не одинъ Бѣлин- скій. „Въ эпоху студенчества, — воспоминаетъ Акса- ковъ, — первое, что охранило молодыхъ людей, это — чувство товарищества. Конечно, это-то и было пер- вымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собираются все же во имя науки, во имя высшего интереса истины. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только и слышна молодость человѣка, и хотя человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣд- ный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университе- томъ и званіемъ студента. Главная польза такого общественнаго воспитанія, кажется мнѣ, заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ самомъ студенществѣ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся какъ

ний день, много двигали впередъ здоровую молодость".

Здѣсь то, въ этомъ одиннадцатомъ номерѣ Московскаго университета, и положилось основаніе знакомству Бѣлинскаго съ ученіемъ Шеллинга, которое позднѣе усвоилось имъ въ кружкѣ Станкевича, о коемъ скажемъ позже.

Но университетскому кружку въ одиннадцатомъ номерѣ пришлось просуществовать недолго. Увлеченный представляемыми съ Мочаловымъ на Маломъ театрѣ *Разбойниками* и *Коварствомъ и любовью* Шиллера и пекенпировскимъ *Отелло*, Бѣлинскій написалъ въ 1831 году трагедію — *Дмитрій Каминскій*, гдѣ горячо порицалъ неизбежное въ то время крѣпостное право, и за нее въ 1832 году былъ исключенъ изъ университета, якобы за неспособность.

Бѣлинскій очутился буквально на улицѣ, безъ пристанища, безъ гроша денегъ, — даже казеннаго платья, обыкновенно предоставляемаго входящимъ студентамъ, ему не оставили. Но идеалистъ не отъ міра сего, поселившійся гдѣ-то у земляковъ и пробивавшійся кое-какъ грошовыми уроками и такими же переводами романовъ съ французскаго, доставляемыми ему, кажется, Надеждинымъ, не унывалъ. „Я не пропаду нигдѣ и никогда, — писалъ онъ ро-

дителямъ, несмотря на всѣ гоненія жестокой судьбы: чистая совѣсть и нѣкоторая твердость въ характерѣ не дадутъ мнѣ погибнуть, и будущее не страшить меня".

А это ближайшее будущее, продолжавшееся цѣлыхъ два года, было ужасно. Слабогрудый энтузіастъ сталъ страдать одышкой, болью въ груди и кашлять. Въ 1834 году Лажечниковъ нашелъ его въ какомъ-то глухомъ переулкѣ въ жалкой каморкѣ, съ грязной лѣстницей надъ кузнецами и рядомъ съ прачешной, въ удручливой и праздно-атмосферѣ. Хотя въ добрыи дни Лажечниковъ прочно устроилъ Вѣлинскаго въ одномъ аристократическомъ домѣ секретаремъ, но несправимый юноша не вынесъ комфорта, покупаемаго приниженіемъ своей личности, и вскорѣ, въ одно прекрасное утро, исчезъ изъ дома, оставивъ его превосходительству записку, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря.

Чѣмъ же нравственно и умственно жилъ Вѣлинскій въ эти два года съ 1832 по 1834 г.? Жилъ онъ всецѣло за все это время кружкомъ Николая Владиміровича Станкевича, своего университетскаго товарища, сына богатаго воронежскаго помѣщика. Это былъ юноша способностей необыкновенныхъ, рѣдкой душевной чистоты, кроткій и

незлобивый, — то, что называютъ немцы *schöne Seele* — прекрасная душа. Съ дѣтства овладѣвшій прекрасно новѣйшими языками, основательно образованный, онъ рано пристрастился къ отвлеченной философiи, которая замѣняла ему дѣйствительный міръ, точно созданный не для него. Его друзья, благоговѣвшіе передъ его чистотой и знаніями, рисуютъ его какимъ-то существомъ не отъ міра сего, воздушнымъ, безтѣлеснымъ гениемъ, исполненнымъ граціознаго, тонкаго изящества, скромности, нѣжнаго, деликатнаго чувства. Этотъ-то оригинальный человекъ, рано умершій въ 1841 г. за границей, куда онъ поѣхалъ учиться, имѣлъ громадное вліяніе на весь свой кружокъ и особенно на Бѣлинскаго. Кружокъ этотъ носилъ отвлеченный философскій характеръ и почти исключительно занимался разумѣніемъ Шеллинга, вносѣдствіи Гегеля, съ которыми знакомилъ членовъ Станкевичъ, болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и искатель высокихъ неизблемыхъ истинъ, артистическій идеалистъ, чуждый практической жизни. Къ этому-то кружку даровитыхъ людей, какъ, напр., Константинъ Аксаковъ, еще съ 1831 г., когда Станкевичъ жилъ въ университетѣ, у профессора Павлова, примкнулъ и Бѣлинскій, и въ эти два года, съ 1832 по 1834, отдался ему почти всецѣлю. Всѣ члены этого

кружка были восторженные идеалисты и сентиментальные романтики, тѣсно слѣзанные дружбой, неизбѣжные между собою никакихъ тайнъ и взаимно контролировавшие другъ друга. Они читали и разбирали современные журналы, особенно Телеграфъ, позже Телескопъ, и, зачитываясь Гофманомъ и его *Необыкновенными страданіями одного театральнаго директора*, были страстными поклонниками театра. Этотъ кружокъ Станкевича съ Бѣлинскимъ и Аксаковымъ, вносившимъ примъ славянофиломъ, былъ, такъ сказать, отвлеченнымъ, философскимъ, идеалистическимъ, но въ одно время съ нимъ существовалъ еще и другой кружокъ молодежи, почти исключительно богатой, гдѣ всецѣло царилъ Герценъ, авторъ романа „Кто виноваты?“, повѣсти Сорока воровка, Доктора Крупова, Записокъ одного молодого человѣка и др. Этотъ кружокъ носилъ характеръ болѣе реальный и интересовался науками положительными, естественными и политическими. Члены того и другого кружка сначала были между собою знакомы и дружны, но только приблизительно до второй половины тридцатыхъ годовъ, когда яенѣ обозначились взгляды на просвѣщеніе и Россію славянофиловъ и западниковъ.

Въ августѣ 1834 г. Надеждинъ пригласилъ Бѣлинскаго сотрудничать въ своемъ журналѣ, и въ

сентябрь того же года въ Молвѣ появилась первая статья Бѣлинскаго *Литературныя мечтанія*, съ которой и начинается первый періодъ дѣятельности критика, продолжавшійся съ 1834 по 1836 годъ. Этотъ періодъ можно назвать, съ одной стороны, чисто *шеллингиическимъ*, такъ какъ Бѣлинскій приложилъ здѣсь историческій тезисъ Шеллинга о національности ко всей русской литературѣ; съ другой стороны — онъ прилагаетъ здѣсь къ оцѣнкѣ жизни индивидуальную личную нравственность, — божественный законъ морали, который управляетъ человѣчествомъ. Дебютъ критика былъ блистателенъ. Статья поразила и формой, и содержаниемъ и необыкновеннымъ по горячности и искренности пафосу. Эта, почти лирическая, элегія въ прозѣ, сравнительно съ Надеждинымъ, Полевымъ и вообще московскими шелленгистами, не говорила почти ничего новаго; но философія Шеллинга никѣмъ еще до Бѣлинскаго не излагалась въ печати такъ полно и ясно; никѣмъ съ такою послѣдовательностью не прилагалась къ русской литературѣ, которая, какъ органическое цѣлое, послѣдовательно развивающееся, Бѣлинскимъ отвергла въ свое. Но что въ статьѣ было совсѣмъ ново, что привело всю молодежь въ истинный восторгъ — это страстный пафосъ автора, его огненный, образный языкъ, его

горячая вѣра въ то, что онъ говоритъ; и особенно искренняя любовь къ искусству, къ театру, къ ближнему своему, къ человечеству, къ роднѣ—та всепожизненная любовь, которой не было въ такой мѣрѣ даже у Полевого и вовсе не было у холоднаго діалектика Надеждина. Этотъ первый періодъ дѣятельности Вѣлинскаго особенно дышетъ свѣжестью мысли и горячностью юношескаго чувства. Въ мечтаніяхъ онъ уже признаетъ сатиру Грибоѣдова, выдѣляетъ Державина, Пушкина и Крылова и прямо говоритъ: для того, чтобъ явилось у насъ искусство, для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ выразилась бы физіономія могучаго русскаго народа, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возвращенное на родной почвѣ. Въ этотъ же періодъ горячо привѣтствуетъ Вѣлинскій Гоголя, и, кромѣ правдивой оцѣнки многихъ другихъ писателей, является пламеннымъ проповѣдникомъ высокой морали и просвѣщенія, во имя которыхъ онъ яростно обрушивается на пустыхъ свѣтскихъ людей за ихъ невѣжество и умышленную убогость, на продажныхъ журналистовъ и писателей, торгующихъ своею совѣстью. О такихъ вещахъ, и такъ прямо и горячо, съ русскою публикой до Вѣлинскаго не говорилъ еще никто и никогда, и съ

первой же статьи Бѣлинскій создаетъ себѣ, съ одной стороны, ярыхъ враговъ въ журналистикѣ и высшихъ сферахъ; съ другой—восторженныхъ поклонниковъ въ лицѣ молодежи, которая изъ балъныхъ залъ, отъ картъ, кутежей, дебашей и волокитства, начинаетъ стремиться въ библіотеки и аудитории, принимается за Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и нашего Пушкина.

Какъ примѣръ въ этой первой статьѣ Бѣлинскаго его необыкновеннаго пафоса, приведемъ его гираду о двухъ дорогахъ, которыя предстоить выбрать юношеству:— „И такъ вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути, отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами свое своекорыстное я, цини для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего я, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства! Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь: — плачь, цѣлай добро лишь изъ выгоды; не бойся зла, когда оно принесетъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рож-

денъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи
змѣей между тиграми, бросайся тигромъ между
овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело
обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ
грузомъ незаслуженныхъ почестей и титулъ. Весела
и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что
такое холодъ и голодъ, что такое угнетеніе и
оскорбленіе; все будетъ трепетать тебѣ, вездѣ по-
корность и услужливость, оговсюду лесть и хва-
леніе, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ
сравнитъ тебя съ полубогами, а журналистъ про-
кричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель
слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, пра-
вая рука государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ
твоей каждую минуту будетъ слишкомъ жарко, а
въ сердцѣ слишкомъ холодно, что воли угнетен-
ныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣт-
скомъ пиру, и на мягкомъ ложѣ сна, что твои
погубленныхъ тобою окружаютъ твой болѣзненный
одръ, составить около него адскую пляску и съ
простнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими по-
слѣдними предсмертными страданіями, что передъ
твоими взорами откроется ужасная картина прав-
ственного уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ!
Э, любезный мой, ты правъ: жизнь — сонъ, и не
увидишь, какъ пройдетъ!.. Зато весело поживешь,

сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего-нибудь да стоитъ!"

Послѣ первой своей статьи Бѣлинскій сталъ писать для Телескопа и Молвы очень много; но Надеждинъ платилъ ему гроши и денежныя дѣла критика, на рукахъ котораго былъ еще братъ и племянникъ, были плачевны. Въ маѣ 1835 г. Надеждинъ уѣхалъ за границу и совсѣмъ передалъ журналъ Бѣлинскому, который тотчасъ же превратилъ его въ критическій журналъ съ строго эстетическимъ направленіемъ, давъ до декабря статьи о Гоголѣ, Бенедиктовѣ, Баратынскомъ и Кольцовѣ. Успѣхъ журнала былъ чрезвычайный; но враги росли по часамъ, и къ числу ихъ присоединился даже и Пункинъ съ своими петербургскими аристократическими друзьями, напр., Кн. Вяземскимъ, оскорбленный неблагопріятнымъ отзывомъ критика о своихъ сказкахъ, въ которыхъ видѣлъ Бѣлинскій поддѣлку подъ народную поэзію.

Въ концѣ 1836 года Телескопъ, въ самый разгаръ дѣятельности Бѣлинскаго, былъ прекращенъ, и Бѣлинскій снова остается безъ куска хлѣба, пробиваясь кое-какъ со дня на день цѣлыхъ два года, до 1838 г., когда наступаетъ второй, мрачный, періодъ его дѣятельности, продолжавшійся до 1841 года. Это періодъ заблужденія, за которымъ слѣ-

довало горькое мучительное раскаяніе; это—періодъ крайняго увлеченія философіей, который можно сравнить у Бѣлинскаго съ тяжелой болѣзною, которая, не сломивъ его, великой по духу, натуры, окончательно закалила ее, чтобы онъ, подобно принцу Генриху у Шекспира, могъ сказать про себя:

„Такъ я, отрекшись отъ прежняго и выплативъ сполна свой долгъ, на столько же превзойду надежды міра, на сколько я на самомъ дѣлѣ лучше того, чѣмъ я кажусь. Какъ металлъ горитъ свѣтлѣй на потускнѣвшемъ грунтѣ, такъ юность обновленная моя, надъ старыми ошибками сверкая, покажется гѣмъ лучше и свѣтлѣй“.

Вступленію Бѣлинскаго въ литературу снова, въ 1838 г., предшествовалъ періодъ усвоенія имъ гегелизма въ одностороннемъ и ложномъ его пониманіи. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. То, что для кружка богатаго помѣщика Станкевича было дѣломъ своего рода развлеченія, такъ сказать, аристократическаго спорта, теорій, то для бѣдняка Бѣлинскаго было роковымъ вопросомъ жизни, безъ рѣшенія котораго онъ жить не могъ. Его друзья искали въ философіи истины изъ любви къ искусству, платонически, какъ любители-гастрономы, ее смакуя и и живя себѣ по своему, какъ хотѣли—такъ Бѣлинскому истина нужна была, какъ насущный хлѣбъ,

какъ вѣра, по которой онъ хотѣлъ именно дѣйствовать, жить, служить литературой своей родинѣ и проповѣдовать эту вѣру. Какъ султанъ Саладинъ, въ лесенгевскомъ Наваѣ Мудромъ, онъ, Вѣлискій, „во что бы то ни стало требовалъ правды, притомъ, наличной, ясной, какъ монета“. Такой монетой показался ему въ увлеченіи Гегель, онъ сталъ прикладывать свою новую вѣру къ жизни—и довелъ этого Гегеля до абсурда, чтобы затѣмъ тѣмъ скорѣе отъ него отдѣлаться.

Мы уже говорили о философскихъ упражненіяхъ кружка Станкевича надъ Шеллингомъ, но болѣе серьезное изученіе его началось не ранѣе 1835 г., съ котораго Вѣлискій все болѣе и болѣе погружается на ряду съ литературой, въ отвлеченное мышленіе; съ прекращеніемъ же Телескопа невозможность журнальной работы еще болѣе способствуетъ его крайнему отрѣшенію отъ настоящей дѣйствительной, реальной, жизни съ ея тревогами и нуждами. Въ серединѣ 1837 года здоровье его становится особенно плохо, и только помощь его друзей, Боткина, К. Аксакова и Ефремова, доставила ему возможность нѣсколько поправиться лѣтомъ на Кавказѣ. Но еще раньше поддержали его матеріально новые друзья, милая и радушная семья Бакуниныхъ, у которыхъ въ деревнѣ провелъ Вѣлискій нѣсколько

мѣсяцевъ лѣтомъ и осенью 1836 года: здѣсь-то на покое и ознакомился онъ съ ученіемъ Гегеля, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ старшаго сына Бакуниныхъ, Михаила Бакунина, отставнаго артиллерійскаго офицера, энтузіаста и блестящаго діалектика. У Бакуниныхъ же гостилъ и Боткинъ, поклонникъ чистаго искусства для искусства, въ современности, въ духѣ Пушкинскаго поэта, *„рожденнаго не для поученія черни, не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ, но для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“*. Цѣлые дни и ночи проводили друзья въ горячихъ спорахъ о философій и искусствѣ, и все въ мірѣ и въ жизни, кромѣ этой философій и искусства, для нихъ перестало существовать. Въ философій стали они искать не только разрѣшенія всѣхъ тайнъ бытія, но даже и простѣйшихъ житейскихъ, мелочей, объясняемыхъ простымъ здравымъ смысломъ. Самое пустое чувство, не говоря уже о любви къ женщинѣ, трактовалось съ точки зрѣнія отвлеченныхъ безжизненныхъ формулъ и теряло всякій человѣческій смыслъ. Это настроеніе охватило скоро и весь московскій кружокъ и дошло до проявленій самыхъ комическихъ. Въ Сокольники, напр., человекъ шелъ не просто гулять, а для того, чтобы *отдаться пантеистическому чувству своего единенія съ космосомъ*; съ нѣжной

же бабой или солдатомъ философъ К. Аксаковъ бесѣдовалъ для того, чтобы „опредѣлить народную субстанцію, въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи“. Слеза выражала трагическое въ сердцѣ. Въ Фаустѣ Гете интересовались не первую частью, живою и художественною, а второй, не совѣмъ истинной и до сихъ поръ; въ самой музыкѣ искали не музыки, не звуковъ, а *философіи* звука. Если прибавить къ этому еще то, что всѣ эти дебаты велись на тарабарскомъ, полурусскомъ, языкѣ изъ латинскихъ словъ съ русскими окончаніями, что слово *абсолютъ*, по словамъ Лажечникова, слышалось даже изъ женскихъ устъ, — можете себѣ представить, до какого сумбура дошли въ это время наши доморощенные философы, относившіеся съ высокомернымъ презрѣніемъ ко всѣмъ, кто, надъ ними, напр., Герценъ, смѣялся. Въ результатѣ, наконецъ, явилось полное примиреніе съ дѣйствительностью, какова бы она ни была, такъ какъ она не что иное, какъ законное проявленіе абсолютной божественной идеи.

Такой странный, доведенный до абсурда, выводъ, явился слѣдствіемъ односторонняго и неправильнаго толкованія философіи Гегеля, которая, въ общихъ чертахъ, приблизительно состоитъ въ слѣдующемъ.

Все существующее, весь міръ, а слѣдовательно и всякое явленіе, и всякій человекъ, есть не что,

какъ постепенное развитіе абсолютной, единой идеи, которая для того, чтобъ осуществиться, проходить три ступени или фазы.

1) Идея въ покоѣ, еще не осуществленная, пребывающая въ безсознательномъ состояніи, сама въ себѣ, какъ бы только предчувствуемая — это *теза*.

2) Идея ищетъ выхода изъ покоя, хочетъ осуществиться, но осуществляется не вдругъ, а впадаетъ въ противорѣчія, въ заблужденія, пока не выразится окончательно въ явленіи. Это переходная ступень — *антитеза*.

3) Всѣ противорѣчія воссоединились, пришли къ соглашенію, и идея является въ полномъ блескѣ своего осуществленія, вполне сознавая разумомъ — это окончательный, искомый *синтез*.

Изъ этого-то ученія и вытекло знаменитое положеніе Гегеля: *все, что дѣйствительно, то и разумно, и что разумно, то дѣйствительно*, изъ котораго оправдывалась, на основаніи антитезы, даже реакція тогдашней прусской монархіи и прусскій, гимназическій, исключительный, классицизмъ, милитаризмъ и т. п. Все, что ни совершается, какъ бы оно ни было ужасно, оно вполне естественно и разумно, такъ какъ оно не что иное, какъ преходящая необходимая *антитеза*, законное развитіе разумной идеи, которая, безъ этой временной анти-

тезы, не может осуществиться. Поэтому-то и возмущаться зломъ нечего, ибо оно только временно и вполне законно. Вотъ такъ-то именно и поняли Гегели наши философы, упуская изъ виду одно, что не всякая дѣйствительность вмѣстѣ съ тѣмъ и разумна, хотя и является естественнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ причинъ, которыя, разъ сознавъ, можно постараться и устранить. Увлечшись этимъ то неправильнымъ толкованіемъ Гегеля, въ которомъ Бѣлинскому видѣлась новая вѣра, обѣтованная земли послѣ всѣхъ тревоженій ищущаго истинны мысливаго разума, и довелъ онъ московское толкованіе философа въ своихъ статьяхъ второго періода дѣятельности отъ 1838—1841 годъ до абсурда, и тѣмъ самымъ убилъ такое толкованіе въ Россіи навсегда.

И такъ, оправданіе всей существующей дѣятельности и оправданіе именно на основаніи философской доктрины; требованіе отъ искусства спокойнаго, величаваго, олимпийскаго служенія красотѣ—вотъ девизъ второго мрачнаго періода дѣятельности Бѣлинскаго, по тому же Гегелю, анти-теза всей жизни—критика.

Въ 1838 г. кружокъ Станкевича для пропаганды своихъ гегеліанскихъ идей прибрѣлъ въ свои руки захудалый журналъ—Московскій Наблюдатель, и редакторомъ его сталъ Бѣлинскій. Здѣсь-то и

разразился онъ въ продолженіе полутора лѣтъ до лѣта 1839 г., когда журналъ прекратился по недостатку подписчиковъ, цѣлымъ рядомъ статей, отъ которыхъ въ послѣдствіи открепчивался, стыдился и обижаясь, когда кто-нибудь о нихъ напоминалъ. Здѣсь восхвалялъ Бѣлинскій Гёте именно за его олимпійскую объективность, вмѣстѣ съ тѣмъ унижая Шаллера именно за его субъективную страстность къ современности; превозносилъ Пушкина за его примиреніе съ чистымъ искусствомъ въ послѣдніе годы жизни; въ самомъ даже Гоголь старался онъ видѣть чистаго объективнаго художника, напр., въ Ревизорѣ, и особенно обрушился не только на Жоржъ-Зандъ и Гюго за ихъ общественное направленіе, но и порицалъ за легкомысленіе и критическое отношеніе къ религіи и политикѣ весь французскій народъ. Здѣсь же, въ Москвѣ, въ 1839 г. написаны Бѣлинскимъ двѣ наиболѣе характерныя въ этомъ періодѣ статьи — *„Менцель—критикъ Гёте“*, гдѣ онъ обрушивается на нѣмца за дерзость порицанія Гёте за его олимпійство, и другая, еще болѣе странная, статья *„Бородинская годовщина съ двупрамомъ русской политической и общественной современной дѣйствительности“*.

По прекращеніи Наблюдателя петербургскій сотрудникъ Отечественныхъ Записокъ, приобрѣтен-

ныхъ только-что отъ Свинына А. А. Краевскимъ, Нв. Нв. Панаевъ, засталъ Бѣлинскаго въ самомъ печальномъ матеріальномъ положеніи и едва ли еще не худшемъ—нравственномъ. Въмѣсто примиренія, онъ вступилъ съ этой философіей въ окончательный разладъ съ самимъ собой и со всеѣмъ окружающимъ. „Берите меня изъ Москвы, — раздраженно и взволнованно говорилъ онъ Панаеву, оставшему его въ Петербургъ, — мнѣ эта жизнь надоѣла, Москва опротивѣла!“

Въ іюнѣ Краевскій, которому ровно никакого цѣла до направленія не было, а которому былъ только важенъ даровитый сотрудникъ, пригласилъ Бѣлинскаго за 1000 р. въ годъ, постояннымъ сотрудникомъ-каторжникомъ, и въ октябрѣ 1839 г. Бѣлинскій переселился въ Петербургъ съ готовыми статьями о Менцелѣ и Бородинской годовщинѣ, которыя и были напечатаны въ 1840 году въ Отечественныхъ Запискахъ, гдѣ въ этомъ же году появилась статья о Горѣ отъ ума, въ которой, какъ будто бы только сатирѣ, онъ отрицалъ даже вовсе художественное значеніе.

Петербургъ, хотя не вдругъ, совсѣмъ отрезвилъ Бѣлинскаго. Казарменный городъ военщины и бюрократы, строгая цензура не только печатнаго, но и живого слова, словомъ, весь этотъ удумливый не-

тербургскій режимъ жизни, наступившій подъ вліяніемъ европейскихъ событій, ясно показаль ослѣпленному энтузіасту всю разумность существующей цѣлительности, дававшей себѣ знать на каждомъ шагѣ. А тутъ еще со всѣхъ сторонъ слышались ои очень рѣзкія возраженія и порицанія за высказываемые въ статьяхъ взгляды, и разъ дѣло дошло до того, что въ одномъ обществѣ какой-то офицеръ не хотѣлъ даже подать ему руки. Началась въ Бѣлинскомъ страшная нравственная ломка, стоившая ему не мало горечи и здоровья и мучившая его чуть не до конца жизни; но изъ всѣхъ сомнѣній и увлеченій гегелизмомъ вышелъ этотъ удивительный здоровякъ духомъ и борецъ за истину полнымъ побѣдителемъ, а съ 1841 года наступаетъ послѣдній, блестящій, періодъ его дѣятельности. Онъ уже вполне ясно провозглашаетъ принципы реальной исторической критики въ приложеніи ея и къ литературѣ и къ жизни, а правду, и только правду, ставитъ первымъ и главнѣйшимъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія. Величайшимъ писателемъ русскимъ съ этого времени становится для него Гоголь, котораго отмѣтилъ онъ еще въ Телескопѣ и на котораго за Ревизора, и особенно Мертвыя души, почти молился. Окончательному отрезвленію Бѣлинскаго способствовало еще и то, что онъ вы-

шелъ изъ замкнутого московскаго кружка (Станкевичъ умеръ за границей въ 1841 г.), встрѣтился съ многими людьми совѣтъ другого образа мысли и ознакомился близко съ общественными, социальными теоріями и современной французской литературой, открывшей ему глаза на многое и въ русской жизни. Гуманъ разсѣялся; солнце великаго разума Бѣлинскаго взошло окончательно, чтобы зайти только съ его смертию.

Не многословна, какъ и въ Москвѣ, внѣшними событіями его петербургская жизнь; но внутренняя, кажется, полна и разнообразна еще болѣе. Нужно перечитать его письма, изъ которыхъ намъ извѣстна только малая часть, чтобъ видѣть, сколько и о сколькомъ онъ передумалъ, чѣмъ жить умественно и какимъ писателемъ могъ бы быть, еслибъ онъ могъ печатать все, что хотѣлось, и что высказать Россіи требовала его совѣсть и талантъ. Въ одномъ, кромѣ отношенія къ реальной поэзіи, удалось высказаться Бѣлинскому, — это въ отрицаніи славянофиловъ, которые къ началу сороковыхъ годовъ отдѣлились отъ западниковъ, и съ которыми онъ велъ самую ожесточенную, непримиримую, полемику.

Въ Отечественныхъ Запискахъ, гдѣ, кстати сказать, издатель Краевскій эксклуатировалъ его трудъ страшно, образовался около Бѣлинскаго талантливѣй-

шій кружокъ западниковъ, людей сороковыхъ годовъ. Некандеръ, Боткинъ, московскій сотрудникъ Грановскій; позже къ Бѣлинскому примкнули: Тургеневъ, Некрасовъ, Панаевъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Кавелинъ, Вл. Милютинъ, Дружининъ, Достоевскій и друг. Въ этомъ-то кругѣ, въ этой новой живой атмосферѣ и вращался Бѣлинскій до самой смерти, работая сверхъ силъ, до того, что даже, вернувшись въ 1843 г. отъ вѣнца изъ церкви, долженъ былъ, по разсказу г-жи Головачевой (*Русскіе артисты и писатели*), сѣсть за работу. На этой-то работѣ и надломился слабый и расшатанный ранней нуждой и нервной воспримчивостью организмъ Бѣлинскаго.

Послѣднимъ, самымъ крупнымъ, событіемъ жизни его было приобрѣтеніе въ 1847 г. Некрасовымъ и Панаевымъ журнала Современникъ, куда перешли изъ Отечественныхъ Записокъ все лучшія силы. Съ страстнымъ увлеченіемъ принялся онъ работать для хорошаго и „своего“ журнала, гдѣ чувствовалъ себя хозяиномъ; но здоровье становилось все хуже и хуже. Какъ громомъ, поразила его странная книга Гоголя — *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, и онъ, перепечатавъ въ Современникѣ извѣстныя статьи Павлова изъ Московскихъ Вѣдомостей, самъ написалъ на нее рецензію, гдѣ горячо порицалъ автора.

Въ началѣ мая уѣхалъ Бѣлинскій, благодаря помощи друзей, за границу; но она мало его поправила, и онъ все стремился на родину, къ любимому дѣлу. Заграницей получилъ онъ отъ Гоголя высококомѣрное письмо, на которое и отвѣчалъ пространно самъ. Это его письмо, написанное кровью, и по силѣ и яркости превосходящее все, что когда-нибудь писалъ онъ въ полемическомъ родѣ, извѣстно по большимъ выпискамъ въ книгѣ академика Пыпина — „Бѣлинскій, его жизнь и перенеска“. Понятно, какъ должно было поразить оно тоже больного адресата; но нужно только сообразить, чѣмъ былъ для Бѣлинскаго Гоголь за всю его дѣятельность; довольно вспомнить, какъ, можно сказать, молился на него критикъ, чтобъ понять, если не оправдать, жестокость упрековъ, вызванныхъ въ самомъ дѣлѣ дикостью мыслей Гоголя, который звалъ мужика „неумытымъ рыломъ“, и подъ личиной христіанина проповѣдывалъ помѣщику бить крестьянина и другія, самыя мрачныя, вещи. Письмо это, страшно угнетающее больного Бѣлинскаго, едва не было источникомъ великихъ бѣдъ для него самого и послужило таковымъ послѣ его смерти для нѣсколькихъ его почитателей, имѣвшихъ списокъ письма.

Вернувшись въ Петербургъ, Бѣлинскій простудился, и становилось ему все хуже и хуже; но ра-

боты онъ не прекращалъ почти до самой смерти. Онъ медленно умиралъ на рукахъ жены и малютки дочери въ маленькой квартиркѣ на Лиговкѣ, въ домѣ Галченкова, близъ вокзала Николаевской дороги. Вотъ какъ рассказываетъ о своемъ последнемъ свиданіи съ нимъ въ началѣ мая 1848 г. Панаевъ. — „Къ веснѣ болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухли, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь виала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно. Даже присутствіе друзей уже было ему въ тягость.

„Я разъ зашелъ къ нему утромъ (въ маѣ) — рассказываетъ далѣе Панаевъ; — на дворъ подъ деревья вынесли диванъ, и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ; онъ сидѣлъ на диванѣ, опустил голову и тяжело дышалъ. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ:

„Плохо мнѣ, плохо. Панаевъ!

„Я началъ-было нѣсколько словъ въ утѣшеніе; но онъ перебилъ меня.

— „Полноте говорить вздоръ.

„И снова, молча и тяжело дыша, опустил голову. Я не могу высказать, какъ мнѣ было тяжело

въ эту минуту... Я начиналъ заговаривать съ нимъ о разныхъ вещахъ, но все какъ-то неловко; да и Бѣлинскаго, кажется, уже ничто не интересовало... Все кончено!.. думалъ я.

26 мая 1848 г. въ 6 ч. утра Бѣлинскаго не стало. Семья осталась безъ средствъ.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ трудовой жизни этого, сторицнаго на работѣ земли русской, нашего незабвеннаго и добраго наставника, чей бронзовый образъ возвышается передъ нами ¹⁾. Всѣ мы, сошедшіеся сюда въ его память, и старые, и молодые, всѣ ему обязаны. Старые учились изъ его книгъ; молодые учатся изъ нихъ же, если не прямо, то изъ его мыслей благородныхъ и возвышенныхъ, имъ разъясненныхъ и пущенныхъ въ оборотъ на пользу просвѣщенія въ учебникахъ и литературѣ. Женщина русская обязана ему горячей защитой своихъ человѣческихъ правъ, о которыхъ онъ возгласилъ едва ли не первый; освобожденный крестьянинъ, когда узнаетъ путемъ школы его имя, вспомнить о немъ съ благодарностью, такъ какъ онъ, на сколько можно было, говорилъ за раба, котораго человѣческія права попирались крѣпостнымъ

На лекціи стоялъ бюстъ В. Г. Бѣлинскаго работы Ге.
В. О.

правомъ; школа, еще раньше Пирогова и Ушинскаго, нашла въ немъ защиту гуманности, любви къ ребенку. Какъ писатель, онъ училъ мыслить, какъ человекъ, училъ любить мысль—въ этомъ его сила и симпатичность. Съ горькимъ отчаяніемъ за будущее Россіи помиралъ полстолѣтія назадъ этотъ, хилый гѣломъ и колоессъ духомъ, страдалецъ, и самое его имя, по прискорбнѣйшему недоразумѣнію, было въ опалѣ до самаго 1856 г., когда его назвалъ въ своей статьѣ одинъ изъ его достойныхъ преемниковъ. Это было въ то время, когда надъ Россіей занималась зѣря великихъ реформъ, до которыхъ не дожилъ покойный.

Порадуемся же, что намъ пришлось дожить до публичнаго, благодарнаго, открытаго, чествованія его полувѣковой памяти, и будемъ изъ примѣра этого Ушинскаго вѣрить, что сѣмена, посеяныя на вспаханной трудовымъ потомъ и кровью, хотя бы и каменистой, почвѣ, раньше или позже взойдутъ и принесутъ родимъ плоды

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

(19 марта).

Заслуги Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ писателей XVIII вѣка.—Оцѣнка пяти крупнѣйшихъ писателей: Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Кольцова.—Оцѣнка писателей второстепенныхъ, какъ Загоскина, Марлинскаго, Бенедиктова, Баратынскаго и многихъ другихъ.—Отношеніе Бѣлинскаго къ театру.—Оцѣнка игры Мочалова, Каратыгина и Щепкина и выясненіе значенія Шекспира, особенно Гамлета.—Воспитательныя идеи Бѣлинскаго въ смыслѣ религиозномъ, патріотическомъ и моральномъ вообще.—Заключеніе—о великомъ значеніи Бѣлинскаго, главнымъ образомъ какъ критика всей русской литературы и употребленіе его до нѣкоторой степени Лессингу. — Состояніе нѣмецкой и русской литературы при появленіи обонхъ критиковъ, одинаковыя руководящія начала и ихъ полемическій страстный характеръ, искренность и благородство убѣжденій.

Милостивые Государиши и Государи!

На первой лекціи старался я указать на тѣ условія литературныя и, отчасти, общественныя, а также и философскія вѣянія, среди которыхъ выступилъ и дѣйствовалъ Бѣлинскій въ литературѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сдѣлалъ общій обзоръ его жизни, обозначивъ три періода его дѣятельности: 1834—1836 г. — юпошескій, романтически-моральный; 1838—1841 г. — увлеченіе односторонне понятымъ гегелизмомъ, и третій — съ 1841—1848, когда проявился гений Бѣлинскаго во всемъ блескѣ реального пониманія литературы и жизни. Въ настоящей лекціи я постараюсь опредѣлить его *общую физіономію и характеръ какъ писателя*, а также и заслуги его какъ критика и педагога.

„Бѣлинскій, по мнѣнію Гончарова, былъ одной изъ тѣхъ горячихъ и воспріимчивыхъ натуръ, которыя привыкли приписывать обыкновенно искреннимъ и самобытнымъ художникамъ“, — и съ этимъ едва-ли можно не согласиться. „Отвлеченіе. — говоритъ самъ про себя Бѣлинскій въ одномъ письмѣ, — не моя сфера. Мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ мысли собственно, я играю роль слишкомъ неблестящую. Моя сфера — опеченія слова и образы живые. Тутъ мнѣ просторно и хорошо. Моя сила, моцъ въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому я никогда не откажусь отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самого себя“.

И въ самомъ дѣлѣ, у Бѣлинскаго оказываются

наиболѣе слабыми именно тѣ статьи, гдѣ онъ вдается въ отвлеченныя философскія разсужденія, и наиболѣе сильными тѣ, гдѣ говоритъ онъ непосредственно о жизни, о животрепещущихъ вопросахъ, его волнующихъ, объ искусствѣ и выражаемыхъ имъ образахъ. Это была натура, богато одаренная фантазіей, но подчинявшая ее себѣ силою ума и вся ушедшая въ сферу производительной дѣятельности. Не одной только натурѣ художника принадлежит избытокъ фантазіи и чувства; творить не только художникъ, но и ученые, открывающіе новыя истины, какъ Ньютонъ и Фультонъ; только художники—живописцы, поэты, актеры творятъ въ мірѣ образовъ; ученый же, одаренный силой фантазіи и чувства, создаетъ цѣлыя, новыя, наглядныя системы знаній, да и самую науку согрѣваетъ и освѣщаетъ чувствомъ. Вотъ къ такимъ-то художникамъ научаю, такъ сказать, слова,—художникамъ наглядной популяризаціи науки и поэзіи, вообще искусства, и принадлежалъ Бѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ лучшія статьи его отличаются необыкновенно красивой формой, поразительной яркостью, часто прямо поэтической образностью языка, мастерскими характеристиками поэтовъ и ихъ образовъ и типовъ, не говоря уже о субъективной горячности, а иногда, по-истинѣ, огненнымъ, вдохновеннымъ, краснорѣ-

чіемъ. Статьи Бѣлинскаго по формѣ и изложенію напоминаютъ лучшихъ эссенстовъ запада, напр., Маколея, Вальтера Скотта, Сентъ-Бева, Тэна; у насъ — Грановскаго и Кудрявцева, а изъ критиковъ позднѣйшихъ въ этомъ отношеніи можно указать только, до нѣкоторой степени, на Аполлопа Григорьева, Дружинина, и особенно Добролюбова. Все они, такъ сказать, выросли въ его школѣ; но какъ далеко изъ, даже Добролюбову, до своего учителя! Въ этой художественной способности Бѣлинскаго всецѣло проникаться предметомъ, входить въ него и выражать свои мысли прочувствованно, въ такихъ яркихъ краскахъ — сила Бѣлинскаго, которою онъ покоряетъ себѣ читателя. *Такъ*, какъ писалъ Бѣлинскій, не писалъ ни одинъ изъ русскихъ критиковъ и публицистовъ; развѣ одинъ Герценъ можетъ быть поставленъ съ нимъ наравнѣ въ отношеніи формы и горячаго слова убѣжденія. Бѣлинскій и въ статьяхъ своихъ, и въ письмахъ былъ не только критикъ, не только литераторъ, публицистъ, — это былъ прирожденный трибунъ, вдохновенный, искренній, проповѣдникъ истины, пока таковою онъ ее считалъ, не боясь, разубѣдившись въ ней, смѣло отъ нея отказаться. — Это былъ своеобразный боецъ, вышедшій одинъ бороться съ неумѣжествомъ и неправдой своей родины, — не-

правдой въ искусствѣ, въ общественной жизни, въ пониманіи основныхъ моральныхъ и соціальныхъ истинъ. А вышелъ онъ на борьбу среди самыхъ ужасныхъ условій тогдашней жизни, едва начавшей кое-гдѣ только просыпаться, темной гоголевской Руси. Такъ выходили биться въ поле въ одиночку противъ цѣлой рати враговъ древніе могучіе богатыри — Ильи Муромцы. И не только избивалъ онъ враговъ, не только разрушалъ неправду, уничтожалъ, отрицалъ ее — нѣтъ, Бѣлинскій и въ искусствѣ, и въ воспитаніи, и въ понятіяхъ моральныхъ, общественныхъ, на мѣстѣ разрушеннаго прочно создалъ новую правду, которой живемъ мы и теперь, черезъ полвѣка съ его кончины.

Отмѣтивъ художественную форму и общій характеръ статей Бѣлинскаго, обратимъ вниманіе на его особенности, какъ критика.

Прежде всего и важнѣе всего другого — это его громадное эстетическое чутье красоты, добра и истины — правды, его эстетическій вкусъ, какого не было ни у Полевого, ни тѣмъ болѣе, у Надеждина. Красоту, истинную художественность, онъ умѣлъ провидѣть даже въ сошеѣхъ неизвѣстныхъ авторовъ; отыскивать какой-нибудь одинъ-два хорошихъ стиха среди жалкихъ виршей, правдивую

сценку, штрихъ характера въ надутой, повидимому, совсѣмъ плохой, повѣсти;—умѣлъ, по первой попыткѣ угадать талантъ, имѣющій развернуться въ будущемъ. Не забудемъ, что и на Тургенева, и на Гончарова, и на Достоевскаго, и на Григоровича и на Майкова указалъ именно Бѣлинскій, а оцѣнка Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Кольцова такъ глубока и мѣтка, что и до сихъ поръ, черезъ полвѣка, къ ней, въ сущности-то, нечего и прибавить.

Второе замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика,—это ясное пониманіе того, что стоитъ на очереди,—пониманіе момента. Такъ, во время и въ пору, опредѣляя значеніе и смыслъ истинной поэзіи, онъ яростно ополчается на ложно величавую школу Кукольника, Бенедиктова, Загоскина и другихъ, противопоставляя имъ поэтовъ истинныхъ, какъ Кольцовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Полежаевъ, какъ чистый художникъ, Майковъ, какъ правильный живописецъ жизни—Гоголь. Въ эпоху увлеченія Каратыгинымъ съ его искусственнымъ пафосомъ онъ противопоставляетъ ему Мочалова, которому, ради его естественности, правда, прощаетъ недостатки, и особенно выдвигаетъ художественно правдивую игру Щепкина; во-время упрекаетъ онъ за индифферентизмъ и наклоненіе къ чистому искусству и самого Пушкина; что же касается славянофиловъ,

го онъ обрушился на нихъ такъ безпощадно именно тогда, когда они явились проповѣдниками мрака древней Руси и призранныхъ, безпримѣрныхъ, русскихъ доблестей, на счетъ европейскаго, общечеловѣческаго проступка, которое составило для Бѣлинскаго его святую святыхъ.

Онъ былъ терпимъ къ нимъ, безпощаденъ. — но зато вспомнимъ, что же, и въ какомъ моментѣ милитаризма и реакціи, они и проповѣдывали!? Дѣло для Бѣлинскаго было выше всего, и онъ, строгій къ себѣ и чрезвычайно скромный, тѣмъ сильнѣе пошелъ на нихъ, а позже, даже на своего кумира, Гоголя, за его перениску! А вѣдь такая открытая полемика съ славянофилами была очень небезопасна, и знаменитое письмо къ Гоголю, можетъ быть, болѣе всего навлекло на Бѣлинскаго опасное обвиненіе въ неблагонамѣренности, которое едва снято съ этого благонамѣреннѣйшаго человѣка и истиннаго патріота, страстно любившаго и Россію и народъ, какъ мать любить свое родное дитя только въ наши дни.

Принципъ критической дѣятельности Бѣлинскаго былъ убѣжденный идеализмъ, т.-е. страстное поклоненіе обоснованнымъ имъ и излюбленнымъ понятіямъ. Изъ противорѣчій-то этимъ идеаламъ и вытекало его страстное отношеніе къ противникамъ.

Этот идеализм вынесъ Бѣлинскій еще изъ бесѣдъ съ отцомъ, изъ юныхъ дебатовъ студенческаго 11-го номера, изъ чистаго и возвышеннаго по своимъ стремленіямъ кружка Станкевича: утвержденіе, уясненіе, очищеніе и оправданіе этого идеализма нашелъ онъ въ бесѣдахъ съ умѣйшими людьми новаго кружка въ Петербургѣ, гдѣ отвлеченная философія, совлекши съ себя все ложное и одностороннее, уже прилагалась къ реальной критикѣ реальной же, дѣйствительной, но отнюдь не разумной, жизни. „Во имя своего идеала, — говоритъ Тургеневъ, — Бѣлинскій провозглашалъ художественное призваніе Пушкина и указывалъ на недостатки въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого же идеала привѣтствовалъ онъ и лермонтовскій протестъ и тоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, — наши, такъ называемыя, славы, на которыя онъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія“.

Что же это быть за идеалъ? Этотъ идеалъ именуется часто забываемыми и ложно толкуемыми словами: *наука, прогрессъ, гуманность, цивилизація*. Все эти понятія сливались у Бѣлинскаго въ одно понятіе — *западъ*, какъ источникъ свѣта для пребывающей во тьмѣ цѣлыя вѣка родины, которая не-

обходимо должна, ради собственнаго своего блага — даже просто, наконецъ для человѣческаго, а не варварскаго, своего собственнаго, существованія, для развитія въ себѣ собственныхъ, сокрытыхъ пока, богатыхъ, силъ, усвоить себѣ лучшіе результаты западной жизни, конечно, соображаясь съ особенностями породы, исторіи, климата, но не иначе, впрочемъ, какъ относясь къ нимъ свободно, критически.

Да, Бѣлинскій былъ вполнѣ *западникъ*, но онъ былъ въ то же время и *русскій* человѣкъ, вышедшій изъ народа и изъ бѣдности. Онъ горячо любилъ Россію и народъ, въ самой поэзіи котораго, рядомъ съ грубостью, отмѣтилъ не мало и прекраснаго, сердечнаго, человѣчнаго. Но, любя Россію, — такъ же пламенно любилъ Бѣлинскій и просвѣщеніе и свободу мысли и слова. Ни того, ни другого не видѣлъ онъ въ донетровской, изолированной отъ образованнаго міра, Руси: — отсюда враждебность, но только отнюдь не къ Руси вообще, а только къ ея невѣжеству. Довольно было Петру Великому только прорубить окно въ Европу, и Петръ Великій для Бѣлинскаго уже предметъ поклоненія. Но западничество никогда не заслоняло въ критикѣ русскаго человѣка: все самобытное, свое, но хорошее, человѣческое — все было для него предметомъ восторга, радости, сочувствія, увлеченія: и

великій русскій поэтъ (вспомнимъ, какъ говорилъ онъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Кольцовѣ). и нашъ славный русскій языкъ, и даже просто какой-нибудь эпитетъ. Говорить ли о сочувствіи Бѣлинскаго къ русскому крѣпостному мужику, или бѣдной Татьянѣ?

Еще одно качество Бѣлинскаго, какъ критика: это — *серьезность*, съ которой относился онъ даже къ повидимому, незначительнымъ объектамъ своей критики: онъ никогда не шутилъ ни съ предметомъ своихъ разысканій, ни съ самимъ собой, ни съ читателемъ. Писаніе было для него святыня, и онъ, можно сказать, въ лучшихъ своихъ статьяхъ не писалъ, а священнодѣйствовалъ, ибо искусство было для него не игрушка, не забава, не средство написать побольше листовъ для гонорара, а такая же сфера человѣческой дѣятельности, какъ и наука, государство, — своего рода, святая святыхъ.

Какой же, кромѣ свободы творчества и народности, основной тезисъ, общая идея всей критики Бѣлинскаго; какъ она наконецъ воплѣ ясно и определенно выразилась, освободившись отъ всѣхъ наслоеній и заблужденій романтизма, шелленгизма и гегелизма? Выразить это основное положеніе всей своей критики Бѣлинскій слѣдующимъ образомъ: *никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-*

модальности, но обязанности поэта непременно воспевать гимны добродетели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человекъ съ правъ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему ответы на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, была исполнена скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрешимыхъ вопросовъ.

Кто поетъ про себя и для себя, — тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведений". „Конечно, видимой, замѣтной поучительности, бьющей въ глаза, быть въ произведеніи не должно, но, тѣмъ не менѣе, произведеніе искусства должно имѣть разумное содержаніе, имѣть историческую и философскую связь съ современною художнику жизнью, т.-е. выражать интересы, духъ, душевныя мысли страны. Такъ было въ искусствѣ всегда и вездѣ, когда искусство не обращалось въ шутку, какъ въ псевдоклассицизмъ. И съ такимъ служеніемъ современности легко согласуется и самая свобода творчества. Для этого не нужно принуждать себя творить на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть сыномъ своей родины, своей эпохи, усвоить себѣ ея интересы, слить свои стремленія съ ея стремленіями; для этого нужны симпатія, любовь, здоровое практическое пониманіе чувства истины, которое не от-

отъясняетъ художественнаго произведенія отъ жизни. Если же въ произведеніи будетъ разумное содержаніе, то оно будетъ доставлять не одно только наслажденіе, но и пользу въ смыслъ уясненія нашей жизни. И чѣмъ горячѣе художникъ сочувствуетъ человечеству, своей современности, родинѣ, тѣмъ болѣе это сочувствіе передается и намъ“.

Таковыми мыслями подпisałъ Бѣлинскій окончательный приговоръ всему призрачному, гуманныму, мечтательному романтизму, которымъ когда-то увлекался и самъ, и открылъ широкую дорогу новому реальному искусству, какъ изображенію дѣйствительной жизни, въ ея наиболѣе важныхъ и существенныхъ явленіяхъ, — искусству, освященному здоровымъ идеализмомъ художника, какъ судьи и критика жизни, какъ наставника, какъ новаго пророка человечества. Въ своихъ требованіяхъ къ искусству и понятіяхъ, относящихся къ области эстетики, явился Бѣлинскій первымъ руководителемъ писателей и всего русскаго общества, а также и первымъ, такъ сказать, учителемъ теоріи поэзіи въ нашей школѣ, которая до него руководилась одной схоластической риторикой и политикой. Разсѣяныя по разнымъ статьямъ Бѣлинскаго, отдѣльные разъясненія понятій о творчествѣ, идеализаціи, типахъ, вымыслѣ, отношеніи поэта къ жизни, наукѣ, искус-

ству, о ремеслѣ, выраженіи идей въ формѣ, талантѣ, гениі, области, родахъ и видахъ поэзіи — все это сдѣлалось кодексомъ для критиковъ и поэтовъ и вошло, какъ матеріалъ, въ первыя же руководства и учебныя словесности, появившіеся съ наступленіемъ эры шестидесятыхъ годовъ, какъ, напр., книги Стоюнина, Водовозова и др., и вдохнуло живую душу въ школьную схоластику. Какъ пріятно нашему патріотическому, русскому чувству сознавать, что въ сороковыхъ годахъ, когда на Западѣ еще господствовали почти всецѣло романтизмъ, а во Франціи, за исключеніемъ Жоржъ-Зандъ, Бальзака, да здоровяка Беранже, царили романтики: Гюйо, Дюма, Сю, Альфредъ де-Мюссе, Ламартины и др., въ русской литературѣ романтизмъ былъ убитъ окончательно, а его мѣсто всецѣло заступила реальная, или, какъ ее называли, *натуральная*, школа съ Гоголемъ во главѣ, такъ блестяще поддержанная такими корифеями, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Герценъ (*Кто виноватъ*), Некрасовъ и др. — не мало, какъ увѣряютъ, повліявшими на образованіе новѣйшей реальной школы Флобера, Золя и Додэ.

Еще знаменательнѣе тотъ фактъ, что всѣ почти эстетическія понятія Бѣлинскаго, особенно о реализмѣ въ искусствѣ, объ идеализмѣ, объ изображеніи

— 84 —

въ искусствѣ современности, о социальномъ значеніи его—все, что еще въ сороковыхъ годахъ совершенно ясно поставилъ и разъяснилъ нашъ критикъ, явилось, какъ новое эстетическое евангеліе. только въ пятидесятыхъ годахъ, въ курсѣ философіи искусства, прочитанномъ въ Парижѣ Тэномъ, въ извѣстной книгѣ Прудона *Искусство*, наконецъ, уже въ наши дни, въ восьмидесятыхъ годахъ, въ книгѣ Гюйо—*Искусство съ точки зрѣнія социологіи*, а также въ лекціяхъ объ искусствѣ извѣстнаго итальянскаго профессора Ціо Феррьері. Все это читали мы, русскіе, еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ на гимназическихъ и университетскихъ скамьяхъ, и, не умри Бѣлинскій, задумавшій въ концѣ жизни написать курсъ истории литературы съ обширнымъ теоретическимъ вступленіемъ, отъ котораго остались только отрывки, мы имѣли бы цѣлый систематическій сводъ всѣхъ эстетическихъ понятій Бѣлинскаго.

И такъ, первая заслуга Бѣлинскаго, какъ критика, это то, что онъ далъ прочныя, опредѣленныя и до сихъ поръ непоколебленныя основанія для критическаго отношенія къ художественной литературѣ вообще.

Вторая, крупнѣйшая заслуга его—это, можно сказать прямо, *созданіе исторіи русской литературы*, которая, какъ и его теорія, съ шестидеся-

гыхъ годовъ, вошла, въ видѣ руководствъ и учебниковъ, во все русскія школы и послужила основаніемъ цѣлаго ряда изслѣдованій по литературѣ XVIII и XIX вѣка, Стоюнина, Пыпина, Тихомирова и мн. другихъ. Но крайней мѣрѣ, мы рѣшаемся утверждать, что безъ *Литературныхъ мечтаній* Бѣлинскаго, безъ его обзора литературы до Пушкина, этой новой области изученія русской жизни не было бы. Бѣлинскій далъ толчокъ къ критикѣ, какъ Пушкинъ далъ теченіе поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удивительно, въ первой же юношеской статьѣ, онъ сразу ставитъ вопросъ о томъ, есть ли у насъ литература, и, отвѣчая на него отрицательно, говорить, что есть у насъ только отдѣльные писатели, книги; но, что литературы, какъ органическаго, послѣдовательнаго развивающагося, цѣлаго, не существуетъ, хотя появленіе такихъ гениевъ, какъ Грибоедовъ, Пушкинъ, Крыловъ, показываетъ, что существовать она можетъ и будетъ. И вотъ, въ живыхъ очеркахъ, критикъ даетъ характеристику каждому изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ нашей словесности XVIII в. и, воздавая каждому справедливо по заслугамъ, къ ужасу литературныхъ аристарховъ, испровергаетъ одного за другимъ, эти прочно установившіеся авторитеты: и Ломоносова, и Сумарокова, и самого Державина, выдѣляя его

одного по крупному таланту изъ всѣхъ другихъ. Испровергаетъ и Фонъ-Визина, и Богдановича, и даже, къ особому негодованію чиновныхъ литераторовъ, сводитъ съ пьедестала самого Карамзина, Катъма Дмитріева, Озерова; критически относится къ Жуковскому, Мерзлякову, Капнисту, Гнѣдичу, Воейкову, кн. Вяземскому, — словомъ, производитъ, съ одной стороны, погромъ полныи, съ другой — даетъ картину хода литературы въ связи съ временемъ, ставя ее на историческую почву. Если къ этой увертюрѣ ко всей дѣятельности критика, присоединимъ другой, болѣе обстоятельный, обзоръ литературы до Пушкина, представляющій обширное разбору величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, въ Отечественныхъ запискахъ 1844 г. (последній, блестящій періодъ критики Бѣлинскаго), наконецъ, особый обстоятельный разборъ Державина и Каптемира, то можно сказать, что Бѣлинскій положилъ основаніе всей исторіи русской литературы. Говорить ли объ оцѣнкѣ пяти крупнейшихъ писателей нашихъ, изъ которыхъ вышла вся позднѣйшая литература? Эти статьи, извѣстныя всѣмъ со школьной скамьи, даются юношеству читать, какъ образцы критики, и какъ необходимое руководство для пониманія писателей. знаніе коихъ обязательно во всѣхъ программахъ нашей гимназіи. И если Грибоѣдовъ

и разобранъ иѣсколько односторонне, только съ эстетической стороны, хотя Бѣлинскій и призналъ потомъ великое общественное значеніе комедіи и сатиры; если любимаго своего писателя, Гоголя, Бѣлинскому разобрать всего обстоятельно и не удалось, то зато Пушкинъ разобранъ такъ, какъ не разобранъ у насъ послѣ Бѣлинскаго ни одинъ писатель: статьи же о Лермонтовѣ, особенно о Герое нашего времени, до сихъ поръ считаютъ образцовыми по глубинѣ и мѣткости со стороны оцѣнки эстетической, а также и по пониманію Лермонтовской скорби и печоринскаго гина, который Бѣлинскій не только развѣчиваетъ, но и освѣщаетъ, какъ страдальца своего самоанализа и невозможности употребить съ пользою свои недюжинныя способности. Кольцовъ — любимецъ Бѣлинскаго съ самаго своего выступленія на поэтическое поприще. Критикъ, кажется, самъ отбиралъ вмѣстѣ со Станкевичемъ изъ вороха плохихъ виршей, рабски подражавшихъ другимъ поэтамъ, немногіе перлы неслыханной русской художественной народной пѣсни воронежскаго прасола и издалъ маленькую книжку этихъ пѣсенъ, появленіе которыхъ привѣтствовалъ горячей статьей, обративъ на безвѣстнаго, полуграмотнаго мужичка общее вниманіе и указавъ на таившійся въ немъ геній-самородокъ. Теплѣе всѣхъ патентованныхъ литераторовъ-аристократовъ, кромѣ

одного Пушкина, отнесся онъ къ этому робкому, подозрительному и самолюбивому Кольцову; принималъ самое сердечное участіе въ его внутренней жизни, творчествѣ и судьбѣ, бесѣдовалъ подолгу и переписывался съ нимъ, и, когда поэтъ умеръ, написалъ горячую статью о его жизни и сочиненіяхъ, которая даже и до сихъ поръ едва-ли не лучшее освѣщеніе его личности и поэзіи.

Но, не говоря уже о литературѣ XVIII столѣтія, о пяти сейчасъ названныхъ корифеяхъ и Крыловѣ, также по заслугамъ оцѣненнаго, сколько, не считая множества богато-содержательныхъ рецензій, разобрано имъ въ большихъ статьяхъ, писателей второстепенныхъ; какъ прекрасно, въ цѣлой огромной картинѣ, съ самой точной перспективой, представлена Бѣлинскимъ вся наша литература съ тонкимъ пониманіемъ относительныхъ достоинствъ ея представителей! Какъ страстно и мѣтко обнаруживаетъ онъ всю мишуру, надутость, несостоятельность Кукольника; какъ безпощадно развѣчиваетъ Бенедиктова; какъ тонко раскрываетъ ложь въ высокопарныхъ стихахъ Хомякова; съ какой горечью оплакиваетъ паденіе высокодаровитаго Изыкова! Съ другой стороны, съ какой симпатіей относится онъ къ несчастному Полежаеву, не скрывая его недостатковъ; — къ угрюмой музѣ

Баратынского, въ которомъ видить болѣе мысли-
тели, чѣмъ поэта, наконецъ, съ какою радостью
встрѣтилъ критикъ А. Н. Майкова, въ которомъ
оцѣнилъ красоты чистаго эллинскаго искусства, опре-
дѣливъ его настоящее значеніе навсегда! Въ оцѣнкѣ
нашей стихотворной поэзіи Бѣлинскій съ его огром-
нымъ эстетическимъ чутьемъ и развитымъ вку-
сомъ соперниковъ не имѣетъ, и его статья о
поэтахъ-стихотворцахъ — настоящая обязательная
школа для всѣхъ чувствующихъ въ себѣ стремле-
ніе къ стихотворству, или мечтающихъ себя поэтами.
Если бы въ настоящее время всѣ эти сотни печата-
ющихся молодыхъ и старыхъ поэтовъ, русскихъ
декадентовъ, символистовъ, или просто мучениковъ
охоты во что бы то ни стало измыслить что-нибудь
въ стихахъ на маверъ, или на изнанку измышлен-
наго уже раньше ихъ, — если бы эти господа стихо-
творцы прочли хорошенько хотя указанная нами
статьи Бѣлинскаго, они бы отъ стыда бѣжали съ
Парнаса безъ оглядки. За оцѣнкой стихотворцевъ,
не забудемъ и народившейся русской повѣсти и
историческаго романа. Не тотъ же ли Бѣлинскій,
воздавая должное Загоскину, какъ мастерскому
разсказчику и, послѣ попытокъ Карамзина, первому
историческому романисту, обнаруживаетъ всю его
фальшь въ изображеніи эпохи и реторическую при-

поднятость, противопоставляя ему болѣе правдиваго и серьезнаго Лажечникова? А кто, какъ не тотъ же Бѣлинскій окончательно и безповоротливо убилъ свои статьи романическаго и манернаго повѣствователя Марлинскаго, которымъ зачитывалась и разочарованными героями котораго бредила молодежь, поргана на немъ свой вкусъ и развивая въ себѣ праздную фантазію и мечтательность, отвлекающую отъ дѣйствительной жизни, предъявляя къ ней дикія требованія. А это не мѣшало бы имѣть въ виду нынѣшнимъ переводчикамъ Марлинскаго, Затоскина и Кукольника, предлагающимъ товаръ по дешевымъ цѣнамъ и колѣ и народу, какъ интересное чтеніе. Что многіе изъ нашей зеленой молодежи, а гдѣ болѣе народа, по своему развитію не выше нашей публики лѣтъ за шестьдесятъ назадъ, и что эти писатели, какъ занимательные рассказчики, читаются, за неимѣніемъ лучшей умственной пищи, — это, можетъ быть, и такъ; но, предлагая такую пищу, слѣдовало бы справиться у того же Бѣлинскаго, полвѣка назадъ опредѣлившаго ея качество, насколько она можетъ быть полезна для духовнаго организма, особенно теперь, для освобожденнаго русскаго народа и современной молодежи? И такъ, въ русской критикѣ заслуги Бѣлинскаго неоцѣнены, какъ по отношенію къ XVIII вѣку, такъ и всей со-

временной ему литературы. Уяснивъ смыслъ нашего литературнаго прошлаго и своего настоящаго, онъ въ предсмертной, одной изъ лучшихъ, статьѣ своей, *Русская литература въ 1847 г.*, какъ бы начертываетъ программу ея и въ будущемъ въ прекрасной параллели между романомъ *Кто виноватъ*, Герцена и *Обыкновенная исторія*, Гончарова.

Кромѣ заслугъ Бѣлинскаго по отношенію къ теоріи искусства и русской литературѣ, нельзя не остановиться на спеціальной заслугѣ Бѣлинскаго по отношенію къ театру вообще, оцѣнкѣ сценической игры, и особенно, разъявленіяхъ Шекспира въ игрѣ Мочалова.

„О, какъ было бы хорошо, еслибъ у насъ былъ свой народный, русскій театръ! Въ самомъ дѣлѣ, видѣть на сценѣ всю Русь съ ея добромъ и зломъ, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, слышать говорящими ея доблестныхъ героевъ, вызванныхъ изъ гроба могуществомъ фантазіи, видѣть бѣшеніе пульса ея могучей жизни! О, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!“

Такими восторженными словами привѣтствовалъ 24 лѣтній юноша театръ въ 1834 г., въ первой статьѣ своей *Литературныя мечтанія*. Съ тѣхъ поръ, по самую смерть, не пропускалъ онъ безъ вниманія ни одного, мало-мальски значительнаго.

явленія въ міръ драматическаго творчества, и, какъ театръ, критикъ и теоретикъ, незамѣнимъ въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ; страстный поклонникъ театра еще въ гимназій въ Пензѣ, онъ не пропускаетъ ни одного замѣчательнаго представленія въ Москвѣ и, знакомясь съ Шиллеромъ, Шекспиромъ и Гамбургскою Драматургіею, Лессингомъ въ кружкѣ Станкевича, со всѣмъ пыломъ юности, сразу возводитъ театръ на подобающее ему высокое мѣсто. Въ этомъ театрѣ влекла къ себѣ Бѣлинскаго та именно *всеобщность, общечеловѣчность, та міровая идейность* воплощающая въ драмѣ цѣлый міръ, единую идею, которая такъ увлекала критика въ философіи Шеллинга и Гегеля. Для Бѣлинскаго театръ былъ *національнымъ* и въ то же время *общечеловѣческимъ*, пантеистическимъ храмомъ, куда стекаются тысячи людей во имя общей любви къ искусству, міру, родинѣ. Для Бѣлинскаго Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте—это роскошный, безграничный міръ, созданный плодотворною фантазіей великаго гения. „Вы,—говоритъ Бѣлинскій,—живете въ театрѣ не своею жизнью, страдаете не своими страданіями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещете не за свою опасность; здѣсь ваше холодное я исчезаетъ въ пламени общечеловѣческой любви“.

Съ такими высокими требованіями къ театру выступилъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ, и эти требованія остаются для насъ тѣми же и теперь, черезъ 64 года послѣ того, какъ они были высказаны. Съ этими идеальными требованіями и выступилъ критикъ съ своими статьями и рецензіями объ игрѣ актеровъ въ то время, когда у насъ, за рѣдкими исключеніями, въ продолженіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, господствовали въ театрѣ трескучія мелодрамы и сентиментальная копеѣщина, романтическая и патріотическая трагедія Кукольника, Оболотского и *tutti quanti*, да лучшие водевили съ плоскимъ остроуміемъ грубаго фарса. Всѣ были довольны, и авторы, въ родѣ Кукольника, и актеры въ родѣ Каратыгина Старшаго, точно созданнаго для реторической надутой дребедени, или Младшаго, ломавшаго вмѣстѣ съ другими потѣшныя фарсы, осмѣивавшаго чиновниковъ да купцовъ; довольна и публика, смотрѣвшая на театръ, какъ на забаву. Одинъ былъ недовольный—Бѣлинскій, и первый онъ взглянулъ на театръ такъ широко; онъ первый потребовалъ отъ актера человѣчной, естественной, правдивой, игры, а не заыванья или ломанья; отъ авторовъ потребовалъ онъ знанія лучшаго европейскаго театра, который долженъ быть для нихъ образцомъ въ смыслѣ правдиваго

изображенія человѣческой души, и настоящей, а не выдуманной, паціональности, которой ни у Кукольника, ни въ драмахъ Полевого не было. Актерамъ и публикѣ указывалъ онъ, какъ на образецъ правдивой игры—на Мочалова, и особенно Щепкина, противопоставляя имъ, даровитаго, но пошедшаго по ложной дорогѣ, Каратыгина; всѣмъ: и актерамъ, и авторамъ, и, наконецъ, публикѣ раскрылъ онъ на подробномъ анализѣ Гамлета — Шекспира.

Подобно Лессингу, Бѣлинскій долженъ былъ идти отъ противнаго; разбирая какую нибудь трагическую, или комическую, дребедень, на основаніи строго обоснованной теоріи драмы, и здѣсь, какъ и въ литературѣ вообще, онъ не только разрушалъ и отрицалъ, но и полагалъ начала разумныхъ требованій и отъ игры, и отъ самой пьесы. Съ какой радостью встрѣтилъ Бѣлинскій Ревизора, Женитьбу, Игроковъ; какъ мастерски оцѣнилъ пьесы Пушкина; какъ вѣрно указалъ въ Горѣ отъ ума неестественность нѣкоторыхъ монологовъ въ устахъ Фамусова и Молчалина. Но всего важнѣе—это оцѣнка Шекспира; — Гамлета — подробная, Макбета же, Отелло, Лира, Ромео — краткая, въ театральныхъ рецензіяхъ. И здѣсь Бѣлинскій у насъ первый взглянулъ на величайшаго драматурга съ подобающей

глубиной и ясно выяснилъ намъ, въ чемъ его сила. Въ самомъ дѣлѣ, что знала о Шекспирѣ русская публика до Бѣлинскаго? Сумароковскую передѣлку Гамлета, гдѣ датскій принцъ женится на дочери убитаго имъ Полонія — Офеліи, а та заключаетъ пьесу слѣдующими знаменательными словами:

Иди, о милый принцъ, явить себя въ народѣ.
А я пойду отдать посѣдній долгъ природѣ.

т.-е., говоря проще, пойду помолиться на могилѣ отца.

Знала еще публика двѣ пьесы Императрицы Екатерины II — „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ (1786 г.) и „Начальное правленіе Олега,“ хотя и названныя „вольнымъ подражаніемъ Шекспиру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ“, но въ которыхъ шекспировскаго не было ровно ничего. Карамзинъ перевелъ, правда, по совѣту князя Ливца, Юлія Цезаря, сопроводивъ его предисловіемъ, гдѣ въ первый разъ въ Россіи печатно было высказано о писателѣ нѣсколько здравыхъ мыслей, но переводъ прошелъ незамѣченнымъ, а самую пьесу, въ переводѣ Д. .І. Михаловскаго, въ первый разъ разрѣшили къ представленію только въ прошломъ 1897 году въ Литературно-артистическомъ театрѣ. Играли еще съ

двадцатыхъ годовъ иѣкоторыя пьесы Шекспира, но въ передѣлкахъ Дюси, напр., *Отелло* въ устрашающемъ исполненіи Каратыгина, иѣсколько переводовъ, но крайне тяжелыхъ по языку, напр., *Гамлета*, *Вронченка*—вотъ и все.

Шекспиръ, какъ откровеніе для русскаго театра, въ первый разъ явился въ Москвѣ 22 января 1837 г., когда въ новомъ, легкомъ, переводѣ *Гамлета*—Полевого, выступилъ во всемъ блескѣ великаго таланта—въ роли датскаго принца—П. С. Мочаловъ. Съ этимъ именемъ связана лучшая статья Бѣлинскаго о театрѣ, явившаяся однако только въ 1838 г.: *„Гамлетъ—драма Шекспира и Мочаловъ въ роли Гамлета“*. Этотъ же Мочаловъ, которому 16 марта 1898 г. исполнилось полстолѣтія съ его смерти, въ томъ же 1848 г., когда умеръ Бѣлинскій, связана и послѣдняя маленькая статейка Бѣлинскаго *„Извѣст. Степановичъ Мочаловъ“*, написанная за два мѣсяца до собственной смерти и напечатанная въ апрѣльской книжкѣ *Современника*. Такъ-то о театрѣ заговорилъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ; некрологомъ же о любимомъ актерѣ, такъ восторгавшемъ критика въ дни его молодости, онъ и кончилъ, чтобы черезъ два мѣсяца и самому послѣдовать за нимъ въ могилу. Какою-то особенно сдержанностью, серьезностью, вѣсть отъ этой

краткой лебединой пѣсни великаго наставника; онъ цѣнитъ въ ней, какъ и всегда, въ великомъ артистѣ правду, естественность игры, но въ то же время не скрываетъ и ея недостатковъ. „Въ мірѣ искусства, — дописывала статью слабѣющая рука умирающаго поэта, — Мочаловъ примѣръ поучительный и грустный. Онъ доказалъ собой, что одни природныя средства, какъ бы они ни были огромны, но безъ искусства и науки доставляютъ торжества только временныя“.

Мы только что говорили о Бѣлинскомъ, какъ критикѣ, теоретикѣ искусства, историкѣ литературы и объ отношеніи его къ театру; но есть еще одна сторона его дѣятельности, которую нужно отмѣтить *особо*. Мы хотимъ сказать о Бѣлинскомъ, какъ о первомъ провозвѣстникѣ у насъ истиннаго, духовнаго *просвѣщенія*, родоначальникѣ всей нашей *педагогической*, въ смыслѣ христіанской гуманности и благороднаго идеализма вообще, въ смыслѣ воспитанія семейнаго и общественнаго. Принято считать такимъ родоначальникомъ Пирогова, помѣстившаго въ IX № 1854 г. въ Морскомъ Сборникѣ свою знаменитую статью *Вопросы жизни*, съ которой и считается начало нашего педагогическаго движенія пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Но нисколько, конечно, не умаляя великаго значенія

статей знаменитаго хирурга-педагога, мы позволимъ напомнить, что прекрасныя мысли его статьи, правда, болѣе чѣмъ у Бѣлинскаго систематически изложенныя и основательно обоснованныя и принятыя за новое откровеніе, еще въ 1838—1840 гг. и дальѣ, были со свойственной Бѣлинскому торчностью и очень опредѣленно высказаны нашимъ критикомъ. Этотъ же Бѣлинскій можетъ быть, по всей справедливости, названъ такимъ же *первымъ критикомъ и дѣтской русской литературы*, которая и до сихъ поръ руководится его идеями. Мы даже позволимъ себѣ сказать, что тѣ идеалы воспитанія, которые начерталъ Бѣлинскій, не только еще далеко не осуществлены въ нашей семьѣ, и особенно школѣ, до сихъ поръ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, но часто довольно основательно забываются. Постараемся же въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить объ этихъ идеалахъ.

Отдѣльныхъ педагогическихъ статей Бѣлинскій не писалъ, но касался воспитательныхъ идей и развивалъ ихъ въ своихъ критическихъ статьяхъ, особенно въ рецензіяхъ о дѣтскихъ книгахъ въ 1838 — 40 годахъ, хотя возвращался къ этимъ идеямъ и въ послѣдующіе годы, высказавшись въ 1844 году очень опредѣленно о воспитаніи общественномъ.

Началь проводит свой взгляд на воспитаніе Бѣлинскій, какъ и въ критикѣ литературной, съ разрушенія стараго, отжившаго. Въ обширной рецензіи 1840 г. на сказки Гофмана и Сказки Дѣдушки Принца (Одоевскаго) онъ явился горячимъ обличителемъ безсмысленнаго вскармливанія и эгоистической родительской любви въ духѣ г-жи Простаковой. Этой любви противопоставилъ онъ любовь идейную, въ смыслѣ любви къ истинѣ и добру, любовь, готовую положить душу за други своя. „На родителяхъ—пишетъ онъ—лежитъ обязанность сдѣлать дѣтей человѣками, а дѣлаетъ ребенка человекомъ только воспитаніе, которое легко можетъ испортить человѣка и, наоборотъ, развить въ немъ все доброе, чѣмъ одарила его природа“ — причемъ, Бѣлинскій считаетъ способными къ воспитательному вліянію рѣшительно всѣхъ людей, изъ которыхъ ни къ чему неспособные, бездарные, люди, по его мнѣнію, только весьма рѣдкіе уроды. Онъ требуетъ воспитанія не наказаніемъ, не строгостью, а любовью, сердечнымъ отношеніемъ къ ребенку и уваженіемъ къ его личности. Если же орудіемъ, средствомъ, воспитанія должна быть непременно любовь, то цѣлью этого воспитанія должна быть человѣчность, гуманность, подъ которою авторъ разумѣетъ духовную связь съ міромъ и человекомъ,

которая должна вестъ насъ до старости, до самой смерти, чувствоваться человѣкомъ сѣнмалъства. И Бѣлинскій съ восторгомъ говоритъ о старцѣ, сохранившемъ въ себѣ душу живу: „Какъ радостно—говорить онъ—встрѣтить въ старцѣ теплое чувство, не подавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтренымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ, и грустнымъ, и свѣтлымъ, и пламеннымъ и гордымъ! Какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ миллионъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли не разцвѣтши,—этихъ почтенныхъ лысинахъ и сѣдинъ, которыя рутинною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, вышнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности—сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!“

Огромное значеніе придаетъ Бѣлинскій воспи-

танію добраго чувства, которое, по его мнѣнію, должно предшествовать знанію, чтобы не развилось въ дѣлахъ раннее резонерство. „Бѣдныя дѣти! — проницески восклицаетъ онъ по поводу правоучительныхъ дѣтскихъ книжекъ, — сохрани васъ Богъ отъ осны, кори и сочиненій Беркена и г-жи Жан-лессъ”.

Въ основаніе чувства полагаетъ онъ воспитаніе *религіозное*, но не лицемерное, обрядовое, а опять-таки основанное на любви къ Богу, какъ къ любящему отцу, къ Христу, за насъ, людей, распятому на крестѣ. Эта религіозность, по мнѣнію Бѣлинскаго, кромѣ любви, воспитывается еще и чувствомъ *безконечнаго, высокаго*, — чутьемъ того, что выше насъ, и передъ чѣмъ мы благоговѣемъ, что вводитъ насъ въ связь съ цѣлымъ міромъ, въ которомъ мы только ничтожныя единицы, что населяетъ въ насъ невольное стремленіе къ лучшему, къ идеалу — воспитаніе того чувства безконечнаго, котораго не отвергаетъ и сама наука, открывающая намъ тайны міра только до извѣстнаго предѣла. Словомъ, — непремѣннымъ условіемъ воспитанія ставитъ Бѣлинскій воспитаніе въ дѣтяхъ извѣстнаго благороднаго *идеализма*, ибо, говоритъ онъ: „только въ обществѣ, стремящемся къ идеалу, только въ обществѣ, сознающемъ въ своей груди существо-

ваніе глубоковнутренняго, послѣдствіемъ нѣ-
ствительностью, идеальнаго міра—только въ подоб-
номъ обществѣ,—и возможенъ прогрессъ. И воспи-
таніе, не развивающее въ дѣтяхъ даннаго имъ въ
зародышѣ идеальнаго міра, есть воспитаніе въ че-
ловѣческомъ обществѣ животныхъ, а не людей.“ И
такъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, главная цѣль воспи-
танія—это развитіе *двухъ* основныхъ элементовъ
идеальнаго міра: чувства *любви* и чувства *безконеч-
наго*. Къ этому присоединяетъ онъ еще чувство
совѣсти, какъ основы всей морали и, наконецъ,
чувство *эстетическаго*, какъ одинъ изъ первѣйшихъ
элементовъ человечности. *Средство* воспитанія этого
чувства—*искусство*, особенно музыка и поэзія. Не-
останавливаясь на подробностяхъ, скажемъ вообще,
что основаніемъ всего воспитанія, еще въ 1838—
40 годахъ, полагалъ Бѣлинскій въ христіанской,
основанной на любви, совѣсти и благоговѣніи пе-
редъ безконечнымъ, религіи, въ поселеніи въ ре-
бенкѣ уваженія къ личности своей и чужой и са-
мой широкой человечности, гуманности, придавая
въ воспитаніи огромнѣйшее значеніе разумному раз-
витію *чувства* и здоровой *фантазіи*. И съ этой по-
слѣдней точки зрѣнія, т.-е. по отношенію къ чув-
ству и фантазіи, Бѣлинскій, едва-ли, не первый
проповѣдникъ у насъ наглядности, живости и ин-

тереса въ преподаваніи, взамѣнъ всякихъ грамматическихъ и иныхъ скучныхъ и недоступныхъ для ребенка отвлеченностей и сухихъ опредѣленій.

Не буду утруждать, г-да, вашего вниманія дальнѣйшими указаніями на идеи Бѣлинскаго, напр. о воспитаніи человѣка для общества, для родины, для борьбы со зломъ, на проповѣдь самаго широкаго альтруизма, на требованіе національности въ воспитаніи, но непремѣнно на общечеловѣческомъ, европейскомъ, просвѣщеніи, на воспитаніи въ дѣтяхъ людей сильныхъ духомъ; повторимъ одно: всѣ эти идеи, вошедшія теперь въ сознаніе всѣхъ лучшихъ людей нашего общества и повторенныя въ системѣ и подробностяхъ Пироговымъ и Ушинскимъ, были высказаны нашимъ критикомъ еще задолго до наступленія эпохи великихъ реформъ, а въ томъ числѣ и педагогическихъ, и всѣ лучшіе педагоги этой эпохи воспитались именно на Бѣлинскомъ.

Не буду также распространяться о немъ, какъ о критикѣ дѣтской литературы. Довольно сказать, что первый громкій голосъ противъ лжи, фальши, слащавости, глупой морали дѣтской книги раздался изъ устъ Бѣлинскаго, который первый посмотрѣлъ на дѣтскую книгу, какъ на серьезное, ответственное дѣло. И здѣсь онъ также не только, такъ

сказать, разрушалъ современную дѣтскую литературу, но и создалъ новое: тщательно отмѣчалъ онъ немногое хорошее, и въ то же время показывалъ, какова же должна быть, вообще, хорошая дѣтская книга, указывая на выборъ изъ литературы народной и истинно художественной литературы взрослыхъ.

И здѣсь Бѣлинскій показалъ путь, по которому пошелъ прежде другихъ Чистяковъ съ своимъ *Журналомъ для дѣтей*, пошли — возникшіе позже дѣтскіе журналы — и идетъ и въ настоящее время вся лучшая дѣтская литература и критика дѣтскихъ книгъ, первымъ критикомъ которыхъ былъ тотъ же Бѣлинскій, какъ первымъ дѣтскимъ писателемъ былъ лѣтъ за пятьдесятъ до Бѣлинскаго Николай Ивановичъ Новиковъ.

Не могу не упомянуть еще объ отношеніи Бѣлинскаго къ русской *женщинѣ*. Идеалистъ, цѣломудренно и въ высшей степени деликатно относившійся къ женщинѣ отъ ранней своей юности, онъ, хотя и обрушивалъ на Жоржъ-Зандъ, за ея эмансипаціонныя мысли, въ несчастную эпоху увлеченія гегелизмомъ, но съ сороковыхъ годовъ является жаркимъ ея поклонникомъ именно за то же самое, за что ее осуждалъ. Она въ 1841 г., по его словамъ, теперь уже не что иное, „какъ адвокатъ женщинъ, подобно тому какъ Шиллеръ есть адвокатъ

за человечество". Благодарны и честны воззрѣнія Бѣлинскаго на женщинъ вообще, и въ особенности, на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія, словомъ, на то, что называютъ женскимъ вопросомъ. „Уваженіе къ женщинамъ, — говоритъ Тургеневъ, — признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія, сказываются у него всюду, гдѣ онъ только касается этого вопроса".

Краткій нашъ обзоръ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго конченъ. Къ какому же приходимъ мы выводу? Чѣмъ же былъ, да въ значительной степени и до сихъ поръ, черезъ цѣлыхъ полстолѣтій послѣ своей смерти, остается для насъ Бѣлинскій? Собственно говоря, — новаго, своего, въ смыслѣ философской мысли, — такого, чего-бы мы не нашли въ литературѣ европейской, онъ не далъ ничего, хотя, какъ говорили мы раньше, во многихъ своихъ требованіяхъ и взглядахъ на искусство онъ опередилъ и Тэна, и Гюйо. Громадны, конечно, его заслуги по отношенію къ русской критикѣ, и онъ справедливо можетъ быть названъ Колумбомъ въ русской литературѣ, хотя время и наложило, какъ налагаетъ оно всегда и вездѣ, и

на все въ міръ свою печать, и на Бѣлинскаго Кое-что, допустимъ, въ его критическихъ оцѣнкахъ даже и устарѣло, хотя, какъ мы указывали, оцѣнка всѣхъ крунѣйшихъ нашихъ писателей XVIII в., Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Майкова, Гончарова и ми. др. не поколеблена и до сихъ поръ. Но есть въ Бѣлинскомъ нѣчто такое, чего нѣтъ еще, по крайней мѣрѣ, въ такой яркости, опредѣленности, полнотѣ и цѣльности ни у одного русскаго писателя: это нѣчто, особенно важное и поучительное именно для нашего русскаго общества, это нѣчто:—величайшее культурно-общественное и морально поучительное и для современниковъ, и для насъ потомковъ, значеніе Бѣлинскаго. Этотъ благороднѣйшій, убѣжденный идеалистъ, для котораго съ юности истина была дороже всего, дороже всѣхъ мірскихъ благъ, даже самой жизни; этотъ рыцарь духа, безъ страха и упрека, навсѣмъ съ мечомъ въ рукахъ, не поддавшійся ничему, не шедшій никогда ни на какія уступки, ни вступавшій ни съ кѣмъ, и ни съ чѣмъ ни въ какіе компромиссы, да вѣдь этотъ человекъ уже самъ по себѣ, одной своей натурой, своимъ нравственнымъ закаломъ, служить примѣромъ не только для современниковъ, но и для отдаленнѣйшаго потомства! Вотъ ужъ у кого слово-то никогда

не расходилось съ дѣломъ! Вотъ человѣкъ, котораго смѣло мы, русскіе, можемъ показать цѣлому міру, не скрывая ни одной изъ его свитыхъ ранъ! Такого другого по цѣльности натуры и моральной силѣ едва ли мы въ Россіи найдемъ: и не къ нему относятся слова Некрасова, обращенныя вообще къ идеалистамъ сороковыхъ годовъ:

Не предали они—они устали
Свой крестъ нести,
Покинулъ ихъ духъ гнѣва и печали
На познати.—

Бѣлинскій могъ спотыкаться о камни гегелизма, падать подъ гнетомъ бѣдности и заблужденій, но онъ быстро вставалъ и шелъ все дальше и дальше, любовью побуждая сердца. Но въ то же время онъ и кипѣлъ духомъ гнѣва противъ несправды — духомъ гнѣва, который горѣлъ въ немъ, напримѣръ, противъ славянофиловъ и вспыхнулъ, передъ самой смертью, такимъ огнемъ въ письмѣ къ Гоголю; великая же печаль о русской землѣ, для которой онъ такъ мало могъ предвидѣть, въ маѣ тяжелаго 1848 для Россіи года, зарю обновленія, — эта печаль сошла съ нимъ въ могилу.

Если уже одна личность Бѣлинскаго сама по себѣ являетъ намъ чуть не единственный у насъ такой примѣръ громадной силы духа, да еще при-

гомъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ и при такихъ условіяхъ времени, то его дѣятельность имѣетъ громадное культурное значеніе, такъ какъ она общественно воспитывала и, до нѣкоторой степени, воспитала цѣлыя поколѣнія. По справедливому выраженію Некрасова, Бѣлинскій, какъ еще и немногіе другіе, были въ то время воспитателями общества:

„Не забылъ ты истинныхъ свѣтилъ.—говорилъ Некрасовъ въ Мелѣжѣй охотѣ. —

Отмѣтившихъ то время роковое:

Бѣлинскій жилъ тогда, Грановскій, Гоголь жилъ,

Еще найдется славныхъ двое, трое:

У нихъ тогда училось все живое!

Бѣлинскій былъ особенно любимъ“.

Пройдя путемъ тяжелой внутренней борьбы черезъ всѣ дебри романтизма и шелленгизма, Бѣлинскій, къ сороковымъ годамъ, вышелъ чистъ и свѣтелъ на путь просвѣщеннаго европеизма, какъ онъ понимался тогда лучшими умами на западѣ и у насъ. Идеи этого европеизма—о личности человека, о его естественныхъ правахъ, о гражданственности, объ общественномъ служеніи своей странѣ, о необходимости прогресса и невыгодахъ застоя,—онъ настойчиво проводилъ въ своихъ статьяхъ до самой своей смерти. Но, оставаясь, что называется, *durch und durch*, до мозга костей, ярымъ западникомъ, убившимъ наповалъ увлекшихся не въ мѣру идеей

исключительнаго націонализма словянофиловъ. Бѣлинскій, повторяемъ, въ то же время всегда оставался истинно русскимъ человекомъ, истиннымъ патриотомъ своего дорогого отечества: онъ, какъ говорили мы раньше, любилъ и русскій закрѣпощенный народъ, и нашу литературу, и нашъ языкъ, и славную русскую женщину, и русскаго ребенка, и все, что только есть въ насъ хорошаго; одного только страстно для своей Россіи желалъ:—чтобы это хорошее не заглохло, не погибло, не извратилось отъ недостатка просвѣщенія. Бѣлинскій—это нашъ культурный центръ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединилось все, что бродило въ то время, часто неявно сознавалось и только предчувствовалось въ лучшихъ людяхъ нашего общества, какъ бы подготавливавшаяся къ великой эпохѣ реформъ, когда претворялись въ жизнь и мечты объ освобожденіи крестьянъ, и объ открытомъ судѣ, и о большей свободѣ слова, и о личности, и о воспитаніи, объ эмансипаціи женщинъ и о многомъ другомъ. Все это обсуждалось и вырабатывалось въ теоріи въ петербургскомъ кружкѣ Бѣлинскаго; обо всемъ этомъ говорится у Бѣлинскаго намеками, между строкъ, въ статьяхъ, и болѣе откровенно трактуется въ письмахъ. Бѣлинскій именно чутко понималъ, что требовалось въ его время для Россіи, изобраа-

женной Гоголемъ и писателями натуральной школы. Онъ заботливо поддерживалъ въ своихъ друзьяхъ и единомышленникахъ священное пламя прогресса. Бѣлинскій умеръ рано, и даже, можетъ быть, какъ разъ во время, къ великому счастью для себя; но наслѣдіе его осталось въ добрыхъ рукахъ тѣхъ, въ комъ онъ будилъ духъ. Не забудемъ, что всѣ позднѣйшіе критики — В. Майковъ, Дружининъ, Анненковъ и критики шестидесятыхъ годовъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, и беллетристи, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, Писемскій — почти всѣ эти писатели сороковыхъ годовъ, развернувшіеся въ эпоху освобожденія, вышли изъ кружка Бѣлинскаго, или выработались подъ его вліяніемъ; вся молодежь воспитала на Бѣлинскомъ свои литературные вкусы и требованія. Мало того — какъ только пришло время отъ слова перейти къ дѣлу, въ комъ, какъ не въ духовныхъ питомцахъ, или товарищахъ великаго общественнаго наставника нашлись наиболѣе цѣнные работники и сподвижники реформъ Царя-Освободителя: — и въ работахъ по освобожденію крестьянъ, и въ области юриспруденціи, и въ педагогикѣ, и въ самой администраціи, и по жепскому вопросу и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, можно, кажется, сказать не ошибаясь, что, если двадцатые и тридцатые годы принято называть эпохой Пуш-

кина, — то годы сороковые, по всей справедливости, можно назвать просвѣтительной эпохой истинно русскаго, пламеннаго патріота — критика и публициста, воспитателя русскаго общественнаго мнѣнія — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Русскаго Бѣлинскаго не безъ основанія сравниваютъ съ нѣмцемъ Лессингомъ. Оба они — натуры, такъ сказать, критическія, протестующія, боевыя; по уму гениальныя; оба застали свое отечество въ положеніи умственнаго застоя; оба вышли въ бой за истину, за просвѣщеніе своей родины, которому расчищаютъ дорогу; оба — критики, полемисты и публицисты; оба разъясняютъ своему народу основы и значеніе искусства; оба испровергаютъ авторитеты и ратуютъ противъ устарѣлыхъ литературныхъ школъ и указываютъ на возникающія новыя; оба высоко ставятъ театръ и разъясняютъ и авторовъ, и игру актеровъ; оба пишутъ о гуманномъ воспитаніи; оба, наконецъ, бѣдняки — неподкупные безсеребренники, безкорыстно-правдивые апостолы истины, служившіе лучшимъ, насущнымъ, интересамъ своей родины.

Но тутъ и кончается сходство и начинается разниаца.

Какъ ни печально было въ половинѣ прошлаго XVIII в. политическое и научное положеніе Герма-

ни, все же бѣдникъ. Лессингъ могъ получить хорошую домашнюю подготовку и образованіе въ двухъ университетахъ, Лейпцигскомъ и Виттенбергскомъ, по двумъ факультетамъ, богословскому и медицинскому, основательно изучить древніе языки, также сѣренскіи, и, не довольствуясь школьной схоластикой, могъ дополнить свое образованіе самостоятельно. Такимъ образомъ, чтобъ стать вождемъ своего нѣмецкаго народа, онъ, какъ и слѣдовало представителю культурной націи, обладалъ не только образованіемъ, но еще и рѣдкой, всеобъемлющей, ученостью, которая побивала весь ученый міръ.

Лессингъ-Бѣлинскій — дитя русской семьи, сѣпнымъ интеллигентомъ, отцомъ и едва грамотной матерью, исключается изъ захолустной Пензенской гимназій за нехождение въ классы, гдѣ и дѣлать-то ему было нечего; изъ столичнаго, перваго, русскаго университета, гдѣ господствуетъ тупой, осмѣянный Пушкинымъ, педантъ Каченовскій съ братіей, его увольняютъ за неспособность, и онъ уже самъ, тяжелымъ трудомъ, ищетъ свѣта въ товарищескихъ бесѣдахъ и въ самообразованіи, безъ знанія даже новѣйшихъ языковъ. Только благодаря гениальному, самородному, уму онъ выходитъ цѣлъ, послѣ долгой борьбы, изъ противорѣчій и заблуждений страстнаго самоучки. Самый жаръ и страсть,

съ которыми Бѣлинскій всегда ратовалъ за просвѣщеніе, такъ сильно у него и проявлялись, быть можетъ, именно потому, что онъ самъ на себѣ испыталъ всю горечь невѣжества. Поэтому-то и Ѳмець Лессингъ и могъ вести свою борьбу съ бѣльшимъ тактомъ и спокойною увѣренностію въ себѣ, чѣмъ Бѣлинскій.

Лессингъ—современникъ Гердера, Винкельмана, Канта, Шиллера, Гете; пишетъ *Навага мудраго* и *Воспитаніе человѣческаго рода*, гдѣ открыто проповѣдуетъ полную вѣротерпимость: имя Лессинга гремитъ не только въ Германіи, но и по всему міру въ эту великую эпоху мірового подъема духа.

Бѣлинскій—современникъ Сенковскому, Гречу, Булгарину, Шевыреву, Погодину, сосланному на Кавказъ за рукописные стихи „На смерть Пушкина“, юному поэту Лермонтову, отцвѣтшему, не успѣвши расцвѣсть, полуграмотному пѣсеннику Кольцову. На глазахъ Бѣлинскаго разыгрывается страшная трагедія отступничества такого единственного русскаго генія, какъ Гоголь. Какой ужъ тутъ „*Навага Мудрый*“, или „*Воспитаніе человѣческаго рода*“, когда даже о самой христіанской любви и терпимости приходится говорить по поводу какой-нибудь дѣтской книжонки, или героя или героини романа, или повѣстунки, и осторожно, въ рецензій, проводить мысль о важности гуманнаго воспитанія.

Какой же тутъ Лесенигъ, когда за напечатаннымъ, пропущеннымъ цензурой, статьи, Бѣлинскій попадаетъ въ разрядъ неблагонадежныхъ, и частное письмо къ Гоголю сдѣлалось предметомъ цѣлаго государственнаго тѣла и отравило бѣдному писателю послѣднія минуты его жизни. Слава Богу, что эти тяжелыя времена отстоятъ отъ насъ на цѣлыхъ полвѣка! И тѣмъ величественнѣе возстаетъ передъ нами этотъ, по-истинѣ, богатырь духа, Бѣлинскій, одинъ вынесшій на своихъ слабыхъ плечахъ все поколѣнiе! Тѣмъ съ большею благодарностью должны мы чтить, господа, его святую память, а молодое поколѣнiе, какъ въ свое время и мы сами, и наши отцы, обратиться къ внимательному изученiю его сочиненiй, которыя уже вовсе не такъ устарѣли, какъ иногда легкомысленно думаютъ.

Лекціи мои кончены; но я еще на минуту злоупотреблю вашимъ вниманiемъ. Хочется сказать нѣсколько словъ о художественныхъ воспроизведенiяхъ дорогого намъ образа, сдѣланныхъ уже послѣ смерти Бѣлинскаго. Кажется, такихъ талантливыхъ, проникнутыхъ особой любовью къ покойному, художественныхъ произведенiй только три. Всѣ они созданы горячими его поклонниками, воспитавшимися на его сочиненiяхъ, проникнутыми его духомъ, ихъ вдохновенiемъ.

Лучшій, по мнѣнію родныхъ Бѣлинскаго и его современниковъ, портретъ созданъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ московскимъ художникомъ Иваномъ Александровичемъ Астафьевымъ. Этотъ портретъ былъ здѣсь въ Петербургѣ весной 1882 г. на особой выставкѣ астафьевскихъ превосходныхъ портретовъ русскихъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, въ томъ числѣ Станкевича, Герцена, Гургенева и Лермонтова. Онъ былъ изданъ тогда же въ 400 экземплярахъ при помощи Гургенева, давно уже разошелся и, по заявленію самого художника въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, будетъ переизданъ къ 26 мая сего года.

Какъ-то, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ была написана умершимъ въ 1895 г., даровитымъ, интеллигентнымъ художникъ, Алексѣемъ Аввакумовичемъ Наумовымъ, вѣроятно, многимъ извѣстная картина изъ жизни критика — „Бѣлинскій передъ смертію“. Она была приложена еще въ 1896 г. къ газетѣ „Новое Время“ и нынѣ къ павленковскому изданію сочиненій Бѣлинскаго. Взявъ моментъ, когда, по словамъ біографа его, А. Н. Пышина, къ умирающему Бѣлинскому пришелъ жандармъ съ повѣсткой явиться для объясненій къ III отдѣленію. Но тогдашними обстоятельствами, — замѣчаетъ біографъ, — можно понять, какое впечатлѣніе должно

произвести неожиданное и загадочное появленіе этого посланнаго — въ квартирѣ Бѣлинскаго. На картинѣ справа, черезъ полуотворенную дверь, видѣть разговаривающій съ кухаркой жандармъ; въ кабинетъ, гдѣ лежитъ умирающій, входитъ съ извѣстіемъ о визитѣ растерявшаяся жена. Умирающій привсталъ на постели въ пѣломъ ужасѣ; пришедшіе навѣстить друга, Панаевъ и Некрасовъ, съ недоумѣніемъ обернулись къ вошедшей; маленькая дочка спокойно у стула играетъ въ куклы. Картина если и передаетъ дѣйствительную сцену не вполне точно, но вполне возможно, и производитъ впечатлѣніе тяжелое. Это *единственная историческая память о великомъ критикѣ, оставленная художникомъ въ картинѣ*, ярко схватившей одинъ изъ предсмертныхъ моментовъ многострадальной жизни Бѣлинскаго, въ напомниманіе о томъ, что переживало полвѣка назадъ русское общество. Слѣдовало бы сохранить эту единственную картину для потомства въ какомъ-нибудь хранилищѣ произведеній искусства. Но до сихъ поръ пріобрѣтеніемъ ея не заинтересовался никто.

Третья художественная память о Бѣлинскомъ передъ нами — это бюстъ, сдѣланный въ началѣ семидесятыхъ годовъ извѣстнымъ художникомъ, П. П. Ге, который друга Бѣлинскаго находили

очень удачнымъ ¹⁾. Этотъ бюстъ стоялъ въ кабинетъ Некрасова. Стихами его, обращенными къ умершему другу, которому такъ много были обязаны поэтъ и все русское общество, и заканчиваю лекцію:

Молясь твоей многострадальной тѣни
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и рабствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ,—и повизгъ стези
Прокладывалъ, работая упорно

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
„Чернорабочій я—не бѣзоручка!“
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ.
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ.

Не даромъ ты, мучая по часамъ,
На взглядъ глупцовъ казался переменчивъ;
Но предъ врагомъ заносчивъ и упрямъ,
Съ друзьями быть ты кротокъ и застѣнчивъ.

¹⁾ Лекторъ говоритъ о бронзовомъ бюстѣ — собственности В. О. Голубева, позволившаго поставить бюстъ въ залъ на чтенія лекцій.

Не думать ты, что стѣнишь ты вѣденье,
И разумъ твой горѣлъ не угасал:
Самимъ собой и жизнью то кони
Святое недовольство сохранил,—

То недовольство, при которомъ нѣтъ
Ни самообольщенья, ни застыдѣнья,
Съ которымъ и на склонахъ нашихъ
Постыдно мы не убѣжимъ!

То недовольство, что души живы,
Не дастъ возстать противу новой силѣ
За то, что заслоняетъ насъ собой
И старцамъ говоритъ: „пора въ могилы“

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга и
Москвы продаются книги Виктора Острогор-
скаго.

1) Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. (Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ), ц. 50 к. 1898 г. Содержаніе: Вступленіе; значеніе искусства читать; искусству читать можно научиться; какъ научиться читать (голосъ, дыханіе, произношеніе, паузы, ударенія логическія), о чтеніи стиховъ; заключеніе. Въ приложеніи:—осп-ніе стихосложенія; практическія указанія для обученія выразительному чтенію; примѣрная хрестоматія разбора образцовъ (до 21-го, начиная съ примѣровъ для маленькихъ дѣтей и кончая разборомъ сценъ изъ Шекспира)

2) Изъ исторіи моего учительствъ, какъ я сдѣлался учителемъ. (1851—1864) изд. О. Н. Поповой, Спб. 1895, ц. 1 р. 25 к.

3) Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. журн. „Міръ Божій“, Спб. 1897, ц. 40 к.

4) Очерки пушкинской Руси. Спб. 1897, изд. (2-е) журн. „Міръ Божій“, ц. 40 к.

5) Изъ міра великихъ проданій. Разсказы для юношества, съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 6-е. М. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

6) Илья Муромецъ — крестьянскій сынъ, рассказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

7) Хорошіе люди. Сборникъ разсказ., съ рисунками Шваба и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

8) Этюды о русскихъ писателяхъ: I. Н. А. Гончаровъ, М. 1897 г. Ц. 75 к.—II. Н. Г. Помяловскій. Ц. 40 к.—III. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. 1893 г. Ц. 50 к.

9) Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, Н. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.

10) Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній (по Л. Эккарту) съ прил. „Краткаго учебника теоріи и поэзіи“. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Сиб. 1897 г. Ц. 1 р.

11) Бесѣды о преподаваніи словесности. Изд. 2-е Ц. 90

12) Русскіе писатели. 100-ть восп.-образов. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. (Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Л. Толстой, Погоский). Изд. 3-е Сиб. 1891 г. Ц. 1 р. 50

13) Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго; Русскіе писатели (Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ) Изд. 2-е М. 1891 г.

14) Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к

15) Наталья Борисовна Долгорукова. Ц. 10 к.

Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы. (Мгла, др. въ 3 д.; Анючка, ком. въ 3 д. съ прологомъ; сцены: На отпѣхъ свѣтъ; Первый шагъ; Въ безмѣстѣ на улицѣ). Изд. М. М. Ледерле. 1891 г. Ц. 80 к.

17) С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическіе очерки. Изд. П. Г. Марцинова. Сиб. 1891 г. Ц. 75 коп

18) Моя бібліотека. Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ, пер. В. П. Острогорскаго съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Сиб. 1891 г. Ц. 1 р.

19) Изъ народнаго быта. Тигъ, Вавило, Маша. Изд. 5-е М. 1891 г. Ц. 10 к.

~~36894~~

48237

2019

